

Ментальный факультатив

Автор:

Лена Летняя

Ментальный факультатив

Лена Летняя

Возвращение за Занавесь #1

Жизнь Ланы рухнула в один момент по щелчку пальцев короля. Из богатой наследницы и дочери влиятельного человека она превратилась в изгоя и осталась практически без средств к существованию. Поверив в силу «четвертой власти», она переводится в Столичную Королевскую Академию, чтобы стать журналистом и однажды поквитаться с королем со страниц газет. Но внезапно проснувшийся редкий дар может изменить ее планы, если только она научится им пользоваться. В мире за Занавесью ментальная магия много лет под запретом, но Лана не привыкла подчиняться общим правилам, а потому находит себе наставника. Вот только кому она в результате сделает хуже: королю или самой себе?

Лена Летняя

Ментальный факультатив

Глава 1

Было очень страшно и почему-то больно, хотя на окраине подсознания мельтешила мысль, что во сне больно быть не может. Лана с протяжным тяжелым стоном повернулась на бок и проснулась, осознав, что просто лежит на

чем-то очень твердом, давно в одном положении, а голова раскалывается, потому что там поселился барабанный оркестр. Существуют ли оркестры, состоящие только из барабанов, она точно не знала, но чувствовала, что в голове застрял именно такой.

С трудом сев на узкой жесткой койке, она осторожно разлепила один глаз, пытаюсь понять, где находится, в надежде вспомнить, как здесь оказалась.

Мрачное темное помещение без окон не пробудило никаких воспоминаний, но заставило мозг заработать. Если нет окон, то как она вообще что-то видит? Значит, какой-то источник света все-таки есть. Затуманенный взгляд пополз по помещению и наткнулся на чьи-то ноги. Женские, прикрытые прямой юбкой до колен. Подозрительно знакомой юбкой...

Потерев глаза, чтобы немного прояснить зрение, Лана подняла взгляд чуть выше, ненадолго задержавшись на недовольно сложенных на груди руках. Знакомая поза... Наконец добравшись до лица нависшей над ней женщины, она узнала в ней профессора Кори, куратора своего курса.

– О, вот почему так противно, – пробормотала Лана хриплым со сна голосом, отворачиваясь.

Картина мира моментально восстановилась: начало второго триместра, задорная вечеринка, небольшая компания, жаждущая продолжения банкета, решение отправиться в старый сгоревший дом, находящийся на территории университета. Дом пользовался дурной славой, но в то же время притягивал к себе людей вроде Ланы и ее друзей. Его угнетающая мрачность воспринималась ими как интригующая таинственность. Поэтому они и решили продолжить вечеринку тут, пугая друг друга страшными историями и уничтожая привезенные из дома бутылки вина.

А потом она, видимо, вырубилась в маленькой комнатке в подвале, где была только узкая жесткая койка и старая, давно проржавевшая цепь, на которой сумасшедший Мастер Снадобий когда-то держал на привязи похищенную из другого мира русалку, надеясь получить ценный ингредиент – ее слезы.

– Рада слышать, что вам, госпожа Лерой, хотя бы противно, – холодно процедила профессор Кори. – Должно быть, конечно, стыдно, но на это я не надеюсь. Вы бы

еще прямо на могилах свою пьянку устроили!

Лана поморщилась. То ли от усилившейся из-за громкого голоса куратора головной боли, то ли от того, что с утра вчерашняя идея продолжить праздник именно в этом месте казалась уже не такой гениальной.

Но вслух признавать свои ошибки Лана Лерой не привыкла. Поэтому она лишь снова подняла на куратора все еще затуманенный похмельем взгляд и заявила:

– Отличная идея, но для следующего раза: вчера ночью дождь накрапывал, неудачный момент для пикника.

Ноздри профессора Кори возмущенно затрепетали, всю ее буквально затрясло от подобной наглости. Лана решила закрепить маленькую победу безмятежной улыбкой.

– К ректору. Сию секунду.

– Что, даже не дадите почистить зубы и выпить потивопохмельное?

– Встала и пошла, – буквально прорычала куратор.

Лана страдальчески закатила глаза и лениво поднялась на ноги, одергивая короткий жакет. Несмотря на то, что она провела ночь в весьма сомнительном месте, ее одежда выглядела аккуратно и свежо, как будто она только что достала ее из шкафа после чистки. Настолько качественные защитные заклęcia были довольно сложны в наложении, поскольку их требовалось начинать вплетать в ткань еще в момент ее создания, а потом добавлять на каждой стадии пошива костюма, что существенно увеличивало его стоимость, но Лана Лерой легко могла себе это позволить. Поэтому к ее возмутительно облегающим укороченным брюкам за весь вчерашний день и всю ночь не прилипло ни соринки, а на блузке и жакете не появилось ни одной лишней складки. Бурную ночь выдавали лишь спутавшиеся волосы и слегка припухшие глаза.

Куратор поторопила ее недовольным тоном, и Лана, вздохнув еще раз, шагнула за ней следом. Ладно, это надо просто пережить. В Лексе преподаватели любят делать вид, что они контролируют ситуацию и могут повлиять на своих

студентов. Чаще всего так и есть, но не в случае Ланы. Последние четыре года ее отец возглавляет Правительство и фактически является вторым человеком в государстве после короля. Ну, или третьим, потому что неформально вторым человеком считается все же королева, имеющая огромное влияние на умы и сердца жителей мира за Занавесью. Но в политику и экономику она никогда не лезла, оставив себе лишь общественную жизнь и благотворительность.

Поэтому максимум, что мог сделать ректор, – это немного побухтеть на тему «Как так можно?» и «Доколе?», вынести тысячное «последнее предупреждение» и отпустить ее с миром. Как это происходило все три года обучения.

Острые шпильки профессора Кори стучали по каменному полу подвала пронзительно и торопливо. Барабанный оркестр в голове Ланы вдохновился заданным ритмом и заработал усерднее.

В соседнем помещении, посреди которого красовался не то большой колодец, не то маленький, но очень глубокий бассейн, остались следы ночных посиделок: пустые бутылки, неприкаянная корзинка из-под еды в углу, оплывшие свечи, которые они притащили, чтобы не расходовать силы на контроль световых шаров. Направлять магический поток в определенной степени опьянения не только трудно, но и не безопасно.

«Похоже, попалась я одна», – осознала Лана, не увидев здесь никого из друзей, с которыми гуляла накануне.

Эта мысль болезненно кольнула. Они что, просто бросили ее тут, а сами свалили в общежитие? Вот молодцы, нечего сказать. Неужели трудно было левитировать и ее тоже?

Впрочем, умом Лана понимала, что в их вчерашнем состоянии левитировать человека – очень плохая идея. Вероятно, друзья просто решили, что ей безопаснее остаться здесь, ведь все равно ничего не будет, даже если поймают.

Продираясь сквозь лесные заросли к замку, Лана в который раз задалась вопросом, что будет, если она все-таки откажется играть по правилам, пошлет куратора вместе с ректором подальше и просто уйдет в свои апартаменты. За всё время учебы она ни разу не решилась нарушить субординацию настолько откровенно, но сейчас очень хотелось.

«Ладно, проще послушать нравоучения. Пять минут – и свободна», – убедила она себя, с черной завистью глядя на то, как легко и непринужденно куратор накладывает заклятие на мокрую и зыбкую после дождя землю перед собой, чтобы не проваливаться в нее каблуками.

Ветки деревьев та отводила магией так же легко и специально «отпускала» сразу за собой, чтобы они стремительно летели в лицо Лане. С сильного похмелья использовать магию тоже затруднительно, поэтому она закрывалась от хлестких ударов руками, мысленно прикидывая, как потом отомстить.

Ректор ждал их в кабинете. Он был невысок, полноват и лысоват. И куда старше отца Ланы. Она предполагала, что на эту должность его выбрали исключительно за такую внешность, а не за ум и умение управлять. Предыдущий ректор неожиданно оставил пост, чтобы жениться на своей студентке, скандал тогда был знатный, и его повторения никто не хотел. Впрочем, позже Его Величество Норд Сорроу отменил запрет на отношения между совершеннолетними студентами и преподавателями, поэтому теперь подобное едва ли могло кого-то шокировать. Но ректор Сайдер все равно сохранил свой пост.

– Садитесь, госпожа Лерой, – не утруждая себя приветствием, велел он, кивнув на неудобный стул.

Тот стоял не напротив его стола, как обычное место для посетителя. Там по мере необходимости появлялись одно или два кресла. Стул Сайдер выставлял на расстоянии, ближе к центру кабинета. Сидеть на нем всегда было странно, как у позорного столба стоять. По крайней мере, у Ланы часто возникала именно такая ассоциация.

Поэтому она всегда садилась на него нарочито небрежно: боком, закинув ногу на ногу и опираясь локтем на спинку. Сегодня ее поза получилась особенно расслабленной, потому что после бурной ночи все тело было ватным.

Ректор... улыбнулся. Что было странно. Обычно в таких ситуациях он лишь бессильно скрипел зубами, а сейчас как будто предвкушал. Если бы не оркестр в голове, Лана восприняла бы это как определенный знак, но барабаны очень мешали думать.

– Что же вы, госпожа Лерой, опять нарушаете распорядок? Вам известно, что нахождение вне общежития после полуночи запрещено?

– Угу, – промычала Лана, массируя висок.

– А что именно произошло в том коттедже, где вы изволили ночью развлекаться, вам известно?

Лана только тяжело вздохнула, снова демонстративно закатив глаза.

– Там много месяцев насильно удерживали и мучили русалку, – с нажимом сказал ректор. – После чего ее убили при попытке к бегству, а в коттедже сожгли ее тело и едва не сожгли одну из сотрудниц Лекса. Живьем. Позже там едва не утопили студента и утопили жену бывшего владельца, которого эта женщина предварительно отравила. Серьезная трагедия связана с этим местом, а вы считаете, что уместно устраивать там попойку?

И снова Лану что-то кольнуло внутри. То ли стыд, то ли совесть – она плоховато была знакома с подобными чувствами. Как и в разговоре с куратором, она сделала всё возможное, чтобы это не отразилось на ее лице.

– А как можно устоять перед возможностью потусить ночью в местечке с такой репутацией? – демонстративно округлила она глаза, как будто действительно не понимала.

Ректор только покачал головой и переглянулся с профессором Кори. Та стояла неподвижно рядом с его столом, словно памятник самой себе, даже странно было видеть, как она вдруг повернулась к начальству.

– Кто еще был с вами? – строго спросила она.

– Понятия не имею, – соврала Лана. – Я так напилась, что не помню даже, как мы туда пошли.

– Если вы назовете имена тех, кто был с вами, ваше наказание не будет столь суровым, – снова оскалился в неожиданной улыбке ректор.

Но и сейчас барабаны помешали Лане обдумать это странное поведение. Она только лениво дернула плечом, запуская пальцы в спутанную гриву и мысленно прикидывая, насколько ужасно та выглядит. Длинные каштановые волосы всегда были ее гордостью, и в обычные дни она уделяла им по утрам немало времени, укладывая аккуратными, слегка выющимися локонами.

– Что ж, тогда за последствия будете отвечать одна. У вас накопилось несколько сотен предупреждений, и сегодня чаша моего терпения переполнилась. У меня нет другого выхода, кроме как отчислить вас, госпожа Лерой.

Ее имя он произнес с особенным смакованием. Значение его слов дошло до Ланы не сразу. И даже когда дошло, она не поверила.

– Вы не можете меня отчислить, – нахмурилась она.

– Могу, – радостно заявил ректор. – Больше того: я безумно жажду это сделать.

Лана села прямее, повернулась к ректору всем корпусом, зло сощурила глаза.

– Вы блефуете! Вы прекрасно знаете, кто мой отец и что будет с вами, если вы меня отчислите.

Теперь заметная улыбка тронула и каменное лицо куратора.

– Боюсь, госпожа Лерой, это вы не в курсе, кто теперь ваш отец, – непривычно мягко заметила она. – Он больше не возглавляет Правительство. Он осужден за коррупцию и находится в тюрьме. Так что прикрывать вас больше некому. И теперь за каждый свой проступок вы будете отвечать по всей строгости, так сказать.

Лана моргнула. Один раз, другой, переводя ошалелый взгляд с ректора на куратора и обратно. А потом рассмеялась. Громко, почти истерично, отчего голова моментально разболелась еще сильнее.

– Ну вы даете, – простонала она, отсмеявшись. – Не могли придумать что-то более правдоподобное? Я меньше недели назад была дома, все было в порядке! Если бы моего отца сняли или в чем-то обвинили, об этом бы заранее начали

шуметь газеты. И уж тем более никто не может осудить человека за пять дней!

Ректор усмехнулся, поднялся со своего места и взял газету, лежавшую на углу стола.

– А это и появилось в газетах сегодня, госпожа Лерой, – с нескрываемым удовольствием сообщил он, протягивая Лане «Столичный вестник», где уже на первой полосе маячил кричащий заголовок, подтверждающий его слова. – Все произошло быстро. Ваш отец осужден Королевским Судом.

* * *

Ректор еще что-то говорил, рассуждал о том, что «этого следовало ожидать, глядя на Лану». Мол, у порядочного человека не могла вырасти столь беспардонная дочь, но Лана его уже не слушала.

Перед глазами все плыло, она даже не могла толком сфокусировать взгляд на строчках статьи, видела лишь заголовок, отдельные фразы и портрет отца. Тот же самый официальный портрет, которым сопровождалась ранее статьи о действиях Правительства.

Королевский Суд. Это означало, что решение о виновности отца было принято единолично Его Величеством. Ни уполномоченного обвинителя, ни защитника, ни разбирательства, ни возможности обжаловать. Король в своих приговорах был быстр и непоколебим. Всё решалось буквально в день предъявления обвинения. Стандартные процедуры не действовали, если уж он брался судить и карать сам.

Голос ректора воспринимался Ланой просто как фоновый шум, собственное сердцебиение заглушало его, барабанный оркестр в голове разошелся не на шутку: казалось, та сейчас лопнет. Но как только мозг сумел понять и принять случившееся, в жилах вскипела кровь, прогоняя паралич.

Лана вскочила со стула, оборвав ректора на полуслове, и решительно шагнула к двери.

– Госпожа Лерой! Вас никто не отпускал, – возмутилась куратор Кори.

– Разве я не отчислена? – спокойно поинтересовалась Лана, оборачиваясь на пороге кабинета и глядя только на ректора.

– Безусловно, – сквозь зубы процедил тот. – Это даже не обсуждается.

– Тогда вы больше не можете ни держать меня, ни отпускать!

И она с силой захлопнула за собой дверь, так, что стены завибрировали.

Следующие события промелькнули как в тумане. Лана смутно помнила, как вернулась в апартаменты, которые делила с подругой чуть больше трех лет. Светловолосая и синеглазая Альма наслаждалась поздним субботним завтраком, и, судя по безмятежному выражению лица, еще не открывала газет. Вообще-то она предпочитала журналы со светской хроникой, особенно тот, которым владела и руководила мать Ланы, но о снятии канцлера наверняка написали бы и в одном из них: их семья всегда фигурировала в хронике.

Безмятежность слетела с Альмы, едва та взглянула на подругу.

– Что случилось? – в ужасе спросила она, поскольку лицо Ланы было даже не бледным, а почти серым.

Лана проигнорировала вопрос, – на самом деле даже не услышала его, – прошла через общую гостиную и скрылась в своей спальне, где принялась резкими движениями срывать с вешалок одежду и комом бросать в чемодан. Ее трясло, в глазах темнело, голова пульсировала болью, и казалось, что она вот-вот хлопнется в обморок. Или, как вариант, ее стошнит.

– Это Кори? Она нашла тебя в подвале? – снова спросила Альма, последовав за ней. – Но тебе же за это обычно ничего не бывает...

Голос ее звучал виновато, но Лане сейчас не было до этого никакого дела. Тот факт, что друзья бросили ее в подвале сгоревшего дома, теперь уже ничего не значил. Она даже радовалась тому, что ее отчислили. В противном случае она не смогла бы сейчас покинуть Лекс: таковы были древние правила самого старого университета мира за Занавесью.

– Лана, поговори со мной, – взмолилась Альма тонким, почти детским, хныкающим голосом.

Захотелось дать ей подзатыльник, но Лана только швырнула подруге смятую газету, которую бессознательно утащила из кабинета ректора.

– Меня отчислили, – рыкнула она хрипло. Странно, что получилось хотя бы так: она боялась, что голос совсем откажет.

Альма что-то запричитала в ответ, отчего еще сильнее разболелась голова. Пришлось вытолкать ее обратно в общую гостиную и захлопнуть дверь. К счастью, подруга не стала рваться обратно.

Еще какое-то время Лана бессмысленно металась по комнате, собирая вещи, злясь на кровать и стараясь не расплакаться. Противопохмельное снадобье она выпила слишком поздно, теперь его эффекта не стоило ждать немедленно, но хотя бы перестало мутить.

Когда вещи были собраны, Лана замерла в нерешительности. Порталы в Лексе почти всегда заблокированы ректором, войти и выйти можно только с его личного разрешения. И что-то подсказывало: он будет ждать, когда она придет просить выпустить ее. Просить не хотелось. Лана Лерой вообще не привыкла что-то просить.

На ее счастье, к тому времени, когда она все-таки заставила себя покинуть апартаменты, ректору уже пришлось впустить в университет господина Обермана, поверенного семьи Лерой. Он и забрал Лану с собой, избавив от необходимости общаться с ректором.

Она шагнула в портал так торопливо, что едва не забыла утянуть за собой болтающийся в воздухе чемодан. Ей хотелось как можно скорее оказаться в стенах родного столичного дома, где она сможет успокоиться и выяснить у Обермана, что делать дальше. Должен быть способ помочь отцу!

Однако вместо привычного портала, открывающегося в холле дома, она вышла из портала общественного, городского, находящегося на площади Перемещения. Вообще-то ее так называли в честь Великого Перемещения, произошедшего много веков назад, когда маги покинули мир людей и ушли за

Занавесь, в свой новый мир. Но теперь это была одна из наиболее оживленных площадей города с наибольшим количеством общественных порталов.

Лана от удивления замерла на месте, у выхода, поэтому сначала об нее стукнулся последовавший за ней чемодан, а потом едва не снес поверенный. Лишь чудом ей удалось вовремя почувствовать его приближение и отскочить в сторону. Где ее задел мощным плечом незнакомый парень.

– Смотри, куда прешь, – огрызнулся тот вместо извинений.

В обычной ситуации он услышал бы о себе много интересного, но сейчас Лана была в плохой форме: все слова вылетели из головы. Она лишь повернулась к Оберману и вопросительно уставилась на него.

– Идемте, госпожа Лерой, – мягко велел тот, деликатно подталкивая ее вперед. – Мой дом недалеко отсюда, там я вам всё объясню.

Лана послушно поплелась в указанном направлении. Боль частично улеглась, но голова все еще ощущалась так, словно в нее набили ваты.

Прогулка по свежему воздуху и узким аккуратным улочкам Аларии, умытым ночным дождем, немного привели ее в чувство, поэтому, когда Оберман открыл перед ней дверь небольшого, но красивого дома, к Лане уже вернулось ее обычное боевое настроение.

– Так что произошло? И почему это произошло? Отца кто-то подставил? Или это сам король на него за что-то ополчился?

Вопросы вылетели из нее один за другим вместо ответа на предложение чая и завтрака. К чести Обермана, он не стал повторять свой вопрос, разыгрывая учтивость.

– Едва ли причина в отношении Его Величества, – осторожно ответил он, внимательно следя за реакцией насупившейся и гневно скрестившей на груди руки Ланы. – Если бы он просто хотел избавиться от вашего отца, он бы его снял с должности. Очевидно, ему были предоставлены достаточные, на его взгляд, аргументы и свидетельства. Сорроу редко берет на себя судебные функции, а в

случае вашего отца всё произошло очень быстро. Его арестовали после очередного заседания Правительства, в тот же день доставили к королю и через два часа всё было кончено. Господин Лерой отправился в тюрьму, а Легион начал арестовывать счета и имущество вашей семьи. Каким-то образом два дня всё удавалось скрывать от прессы и общественности, но ночью вышел выпуск оппозиционного «Ястреба», в котором Ралм Ле Крок обо всем рассказал. Так что властям пришлось срочно давать официальный пресс-релиз, который и появился во всех утренних газетах.

Лана покачала головой, прикрывая глаза. Значит, уже все знают, без последствий дело не замять. Если вообще можно замять...

– Что-то можно сделать? Как-то изменить мнение Сорроу или добиться освобождения отца? Он ведь невиновен!

Лицо поверенного странно дернулось. Он был уже не очень молодым, но все еще довольно привлекательным мужчиной. Высокий рост, респектабельный вид, благородная седина, лишь тронувшая черные волосы. Его лицо всегда оставалось спокойным, уверенным и доброжелательным. По крайней мере, именно таким обычно видела его Лана. Поэтому сейчас она поняла: Оберман не верит в невиновность ее отца.

– Королевский Суд необратим, апелляция тут не предполагается, – неожиданно холодно напомнил он. – Норд Сорроу не меняет своих решений. Король не может ошибаться.

Лана как стояла, так и села, внезапно почувствовав слабость в коленях. Благо за спиной оказался диван.

Оберман был поверенным их семьи столько, сколько она себя помнила. Он всегда был на их стороне. Помогал решать любые проблемы с законом, мог замять любой скандал. Делая политическую карьеру, отец опирался на него во многих вопросах, тащил за собой, строя карьеру и ему тоже.

И вот теперь Оберман от него отвернулся. Испугался? Или правда верит в его виновность? Или знает?..

– Где мама? – глухо спросила она, отводя взгляд от поверенного.

И потому что больше не хотела видеть изменившееся выражение лица, и чтобы спрятать выступившие на глазах злые слезы.

– Хороший вопрос. Никто не знает на него ответ. Она исчезла сразу после ареста вашего отца. Суд еще не закончился, когда несколько счетов вашей семьи в одном из банков были опустошены, а госпожа Лерой исчезла в неизвестном направлении. Вместе с семейными драгоценностями. Предполагают, что она сбежала за Занавесь, в мир людей, через нелегальный портал, чтобы спрятаться от юрисдикции Легиона.

Мир окончательно рухнул, и Лана тихонько застонала, запуская пальцы в волосы и сжимая руками голову. Это однозначный конец! Подобный побег родительницы хуже письменного свидетельства против отца.

Оркестр ожил, но теперь его грохот звучал иначе. Барабанные дробы раздавались в пустоте: в голове не осталось ни одной, даже самой завалящей мысли. Что теперь делать? Как быть дальше? Да, Лана почти взрослая, а родители и раньше нечасто присутствовали в ее жизни. Но такой скандал – отец в тюрьме, мать в бегах – ляжет на нее несмываемым пятном позора. Ее больше не позовут ни в один приличный дом. Придется уехать в пригород, запереться в особняке и стать затворницей. Ей будет скучно, она перестанет за собой следить, увлечется сладостями и алкоголем, растолстеет и будет ходить по дому неприкаянным косматым призраком с давно не стриженными ногтями...

– Кошмар, – пробормотала Лана, живо представив себе эту картину.

– Да, ситуация непростая, – согласился Оберман, решив, что она комментирует побег матери.

Лана бросила на него взгляд исподлобья, но поверенный его не заметил: он сосредоточенно смотрел на часы. Стало понятно: ей здесь больше не рады.

– Ладно, я не буду вас больше отвлекать, – вздохнула Лана, поднимаясь с дивана. – Пожалуй, отправлюсь домой и буду там страдать. Вы держите меня в курсе, если появятся еще какие крутые новости. Ну там, чума, война, голод... Только мне нужны будут деньги...

Оберман неловко кашлянул и потупился. Лана подозрительно сощурилась.

– Что?

– Боюсь, у вас больше нет дома. И денег тоже нет.

– То есть как?

– Ваш отец обвинен в коррупции и хищениях, – напомнил Оберман. – Всё ваше имущество и все счета арестованы.

Лана задохнулась от возмущения.

– Он что, охренел? – почти крикнула она. – Кем он себя возомнил? Моя семья была богата задолго до того, как отец вошел в Правительство!

– Ваш отец нанес ущерб государству, – тон поверенного снова стал морозным. – И должен его возместить. Конечно, что-то вам оставят, но это произойдет не сразу. Пока мне удалось договориться лишь о том, чтобы не замораживали ваш личный счет, который отец открывал на ваше имя. На нем достаточно средств, чтобы прожить, пока комиссия не решит, что можно вам оставить.

– И на том спасибо, – процедила Лана. – Тогда мне нужны деньги с этого счета. Я сниму номер в гостинице.

– Хороший вариант, – кивнул Оберман, – но просить эти деньги вам нужно не у меня. Я больше не работаю на вашу семью. Это наша последняя встреча.

– Да я уж догадалась, – проворчала Лана, бросив на него убийственный взгляд.

Который, впрочем, не произвел на Обермана никакого впечатления.

– Поскольку вы пока несовершеннолетняя, распоряжаться средствами этого счета самостоятельно вы тоже не сможете.

Лана никогда не отличалась спокойствием и невозмутимостью, поэтому, услышав последнее заявление, запрокинула голову назад, топнула ногой и не то завывала, не то застонала.

– Да перестаньте! Мне исполнится двадцать через три месяца!

– С половиной, – педантично уточнил Оберман. – Вот тогда вы и сможете распоряжаться счетом. А пока это будет делать назначенный опекун.

Лана нахмурилась. Какой еще опекун? Кроме отца и матери у нее не было близких родственников.

– Ваша сестра.

– Сестра? У меня нет сестры!

– Вообще-то есть, – сообщил от двери незнакомый женский голос.

Глава 2

Лана обернулась: на пороге стояла совершенно незнакомая ей рыжеволосая женщина, не похожая на нее ни одной чертой лица. На вид ей было около тридцати, простое, но элегантное платье подчеркивало ладную фигуру, строгая вместительная сумка в руках выдавала в ней деловую женщину. Или, скорее, женщину, занятую делом.

– Неужели ты меня совсем не помнишь? – сдержанно улыбнулась незнакомка. – Я вот тебя помню. Правда, мы виделись всего один раз, но тебе тогда было лет десять, ты была уже достаточно взрослой, чтобы запомнить меня.

Лана снова недовольно скрестила руки на груди, окидывая женщину пристальным, изучающим взглядом. Нет, ничего. Ни единого шевеления памяти, что заставляло подозревать: эта женщина – самозванка.

– У меня нет ни братьев, ни сестер, – процедила Лана все так же недовольно.

– Госпожа Бренон ваша сводная сестра, – наконец смиростивился и объяснил поверенный. Уже теперь бывший.

– Марта, господин Оберман, – мягко поправила женщина, подходя ближе, – мы же договорились.

Оберман улыбнулся ей, как показалось Лане, куда теплее, чем следовало. Ей до сих пор было трудно поверить, что этот человек больше не на их стороне.

– Марта – дочь вашего отца от первого брака, – продолжил он знакомить их, снова повернувшись к Лане. – До вашего совершеннолетия она будет исполнять роль опекуна. И, соответственно, будет распоряжаться средствами вашего личного счета.

– Вот подфартило-то, а? – язвительно усмехнулась Лана. – Господин Оберман, надеюсь, вы можете хотя бы сообщить мне, сколько точно денег на моем счете сейчас. А то боюсь, что пока я доживу до совершеннолетия, он заметно опустеет.

Улыбка на лице Марты погасла, она плотно сжала губы и холодно заметила:

– Мне не нужны твои деньги, Лана. Потому что это деньги твоего отца... нашего отца, а мне от него давно ничего не нужно.

– Отлично, тогда давай сделаем это по-быстрому: пойдем в банк, ты их снимешь, отдашь мне – и мы забудем обо всем как о страшном сне!

От последнего словосочетания по спине неожиданно пробежала волна неприятных мурашек. словно какое-то темное воспоминание коснулось края сознания, но тут же испарилось, так и не показав себя во всей красе.

– Нет, – предсказуемо отказалась Марта.

– Я так и думала, – фыркнула Лана.

– Господин Оберман, – новоявленная сестра повернулась к поверенному, – не могли бы вы оставить нас на пару минут? Может быть, для спокойствия Ланы действительно стоит подготовить документы о состоянии счета?

– Да, конечно, как скажете.

Оберман изобразил легкий поклон, адресованный им обеим, и покинул гостиную. Марта дождалась, пока за ним закроется дверь, прежде чем продолжить разговор. Все это время она задумчиво смотрела на небольшой чемодан, который Лана забрала с собой из Лекса. Небольшой и легкий, он вмещал в себя практически бесконечное количество одежды, косметических снадобий, книг и прочего. Отличная вещь, очень дорогая.

– Тебя исключили из Лекса? – догадалась Марта. – Поэтому ты с вещами?

– Да.

– Они сделали это за два триместра до выпуска? – не то удивилась, не то возмутилась сестра. По ее тону было непонятно. – Просто потому, что твои родители оказались преступниками?

– Нет, потому что я дала повод, – процедила Лана.

Этот разговор с каждой секундой злил все больше. В Марте ее бесило практически все: и этот мягкий тон, и невозмутимый вид, и гордо вздернутый, несмотря на дешевое платье, подбородок. А больше всего: теплота во взгляде карих глаз. В мире Ланы было не принято смотреть на людей с теплотой.

Сестра тем временем вздохнула и снова попыталась изобразить улыбку.

– Послушай, я здесь не для того, чтобы с тобой воевать. Я хочу только узнать тебя получше и убедиться, что у тебя все будет хорошо...

– Какое тебе до этого дело? – резко перебила Лана. – Думаешь, тебе за это орден дадут?

– Нет, просто ты – моя сестра.

– Мы чужие друг другу!

– Сейчас – да, но раз уж случай позволил нам встретиться и мне поручили заботу о тебе, то почему бы нам не стать хотя бы подругами? Думаю, это пойдет на пользу нам обеим.

– Если ты рассчитываешь откусить кусок от наших денег, то хочу напомнить: этот коронованный мерзавец всё забрал.

– Не стоит так говорить о Его Величестве, он очень достойный человек, – все тем же мягким, но уверенным тоном возразила Марта.

– Можно подумать, вы с ним знакомы, – снова не удержалась от язвительности Лана, выразительно посмотрев на простенькое платье из обычного магазина. Массовый ширпотреб.

Марта только улыбнулась шире, отчего захотелось плеснуть ей в лицо воды. Но воды под рукой не оказалось, а магический поток сфокусировать все еще было трудно. Теперь уже не столько от похмелья, сколько от злости и растерянности.

– Как я уже сказала, от нашего отца мне ничего не нужно. Особенно его денег. Если кто и мерзавец, то это он, и я очень давно не желаю иметь с ним ничего общего.

– Не смей так о нем говорить! – тут же снова взъелась Лана. Просто по инерции.

– Я имею на это право.

Вот теперь в голосе Марты слышались лед и сталь. Те самые интонации, что были так хорошо знакомы Лане. Интонации отца. Может быть, новоявленная сестра его и ненавидит, но она на него похожа.

– Послушай, – снова заговорила та, вернувшись к прежнему тону, – у меня есть предложение, которое тебе должно понравиться. Я преподаю в Столичной Королевской Академии. Уверена, что по моей просьбе тебя примут туда на четвертый курс, чтобы ты спокойно доучилась и получила диплом. За это время ты как раз достигнешь совершеннолетия, сможешь распоряжаться своими

деньгами и пойдешь дальше по жизни самостоятельно, своей дорогой. А пока тебе будет где жить и чем заниматься. Да и мы сможем общаться.

– СКА, ты серьезно? – хмыкнула Лана, презрительно кривя губы. – Академия имени Норда Сорроу, щелчком пальцев уничтожившего мою семью? Да я лучше отгрызу себе руку, чем пойду учиться туда.

– В любом другом учебном заведении тебе придется как минимум потерять год, – резонно заметила Марта. – А то и вовсе начать сначала. В Лексе весьма своеобразный подход к образованию, так просто из него не перевестись.

– А может быть, я вообще не хочу доучиваться? Зачем мне это? Лучше перетряхну список женихов и осчастливлю одного из них.

Сестра посмотрела на нее с сочувствием.

– Каким бы длинным ни был твой список, ни один из его пунктов больше не захочет иметь с тобой дела. На твоем счете достаточно денег, чтобы оплатить год обучения в СКА, и хватит еще на год умеренных трат, но это совсем не то, что ищут в качестве приданого люди твоего круга.

Лана так крепко стиснула зубы, что они заболели. Здесь сестра была права. Рыжеволосая ведьма!

– Тогда просто отдай мне деньги – и дальше я разберусь со своей жизнью сама!

– Этого я сделать не могу. И не хочу.

– Почему?

– А что ты будешь делать? Чем займешься, когда получишь деньги?

– Не знаю, разберусь как-нибудь, не маленькая.

Марта снова печально вздохнула и сокрушенно покачала головой.

– Да, ты не маленькая, Лана. Но ты не готова к той жизни, которой тебе теперь придется жить. Ты больше не богатая наследница, не часть «новой элиты». Не знаю, как ты видела свою жизнь после Лекса, но теперь тебе придется скорректировать планы. Нужно кем-то стать и решить, куда ты будешь стремиться. Тебе придется работать, чтобы зарабатывать деньги, а не просто бегать по магазинам и клубам с подружками. Если я сейчас отдам тебе деньги, ты спустишь все до последней монеты еще до того, как тебе стукнет двадцать лет. Я не могу этого допустить. Я предлагаю тебе доучиться и получить диплом, но если у тебя есть другой план – дай мне знать. Мы обсудим, и, если он жизнеспособен, я с удовольствием дам тебе столько денег, сколько тебе будет нужно на ближайшие три с половиной месяца.

– Через три с половиной месяца ты мне так и так их отдашь. А до тех пор – проваливай!

Марта невозмутимо кивнула.

– Как скажешь. Но если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

* * *

Сестра действительно просто ушла, не пытаясь продолжить разговор и убедить в чем-то Лану. Минуту спустя та и сама покинула дом бывшего поверенного, не прощаясь и гневно чеканя шаг. Оберман едва успел вручить ей на ходу лист бумаги с выпиской по счету. Лана нервно сложила его и убрала в карман жакета, даже не заглянув в содержимое.

Потом какое-то время она просто шла по узким и почти пустым улочкам Аларии, не разбирая дороги и не имея в голове никакой цели, даже не заметив, что забыла чемодан в доме поверенного. При ней осталась только маленькая дамская сумочка с помадой и документами.

Остановилась Лана лишь тогда, когда услышала резкий предупреждающий звонок велосипеда. Она едва успела отскочить в сторону, чтобы ее не сбили. При этом неудачно оступилась: каблук соскользнул с бордюра и она едва не упала, подвернув ногу. Устояла, некрасиво раскорячившись и ругаясь сквозь зубы.

Ей редко доводилось бывать на городских улицах, а потому Лана и не подозревала о таящихся здесь опасностях. Люди ее круга предпочитали перемещаться порталами. Собственный имелся в каждом приличном доме, как и во всех нормальных заведениях. Если Лане хотелось погулять, она перемещалась в городской парк или в загородное поместье. По улицам бегают только те, кто вынужден перемещаться общественными порталами, сеть которых имеется в каждом городе и более или менее крупных поселках. От портала к месту назначения порой приходится шагать добрых полчаса, но долгое время это воспринималось как само собой разумеющееся.

А потом Норд Сорроу, древний король, исчезнувший больше пятисот лет назад, вдруг снова объявился, сверг задержавшегося на посту и погрязшего в коррупции и интригах канцлера и заявил, что он восстанавливает монархию и возвращает себе престол, от которого когда-то давно сам же и отрекся, создав Первую Республику.

Вместе с ним стала королевой его жена, выросшая в мире людей. Вслед за этим в магический мир хлынул поток Возвращенцев: магов, прежде тайно проживавших среди обычных людей с другой стороны Занавеси. У каждого на то были свои причины: кто-то бежал от режима последнего канцлера, кто-то – от терактов монархистов, пытавшихся привести к власти наследника другого великого королевского рода. Третьих в свое время выслали сам канцлер за те или иные преступления.

И вот когда все эти люди массово вернулись в магический мир, они притащили с собой то, к чему привыкли в мире людей. Например, моду на ношение брюк женщинами, джинсовую ткань и транспорт, помогавший сократить время на перемещение от портала к месту назначения, а порой и вовсе отказаться от порталов. И если велосипеды были вполне терпимы, то магоциклы – более крупные и тяжелые, приводимые в движение специальными артефактами, а потому более быстрые, – представляли настоящую угрозу.

Сейчас Лана едва не угодила под колеса велосипеда, но по крайней мере это помогло ей очнуться: хватит просто бегать, пора бы уже и подумать, как жить дальше. Пустой желудок урчанием напомнил, что время идет к обеду, а кое-кто еще даже не завтракал. Пришлось оглянуться по сторонам в поисках кафе или ресторана.

К счастью, Лана в своей бесцельной прогулке не успела уйти за пределы центра, а потому вполне приличное на вид заведение обнаружилось буквально в двух шагах. Внутри оказалось достаточно пусто, а тот факт, что Лана вошла через обычную дверь, а не появилась из портала, не вызвал у официанта никаких вопросов: наметанным глазом он быстро оценил стоимость ее одежды и гостеприимно проводил за столик.

Не глядя в меню, Лана заказала большой чайник чая, теплый салат с морепродуктами и полдюжины воздушных профитроли с разными начинками. О бокале вина она лишь задумалась на секунду, но тут же отбросила эту мысль: противополохмельное снадобье плохо сочеталось с новыми порциями алкоголя, даже с незначительными.

Прогулка помогла проветрить голову, а привычная роскошная обстановка и вкусная еда заставили ее работать. Постепенно в памяти ожил эпизод из давнего прошлого: теплый солнечный день на исходе лета, их загородный особняк, в котором Лана выросла, распаханное по случаю хорошей погоды окно отцовского кабинета и ругань, долетавшая до ее слуха.

Она тогда даже подобралась поближе к стене дома, пытаясь услышать, о чем и с кем отец спорит, но так толком и не разобрала слов, ей доставались лишь обрывки предложений, которые не складывались в общую картину, а потому быстро забылись. Запомнилось только, что отец говорил непривычно резко, даже зло, а отвечал ему женский голос, буквально звеневший от напряжения и слез.

Когда ссора оборвалась, Лана поспешила уйти, чтобы ее не застали под окнами. Обогнув внушительных размеров особняк, она вдруг замерла, увидев незнакомую девушку. Та стояла, прислонившись спиной к стене и запрокинув голову. По ее щекам текли слезы, и она судорожно всхлипывала, прячась от посторонних глаз за раскидистыми кустами, которые в этой части сада подходили почти вплотную к дому.

Заметив Лану, девушка вздрогнула от испуга (или просто неожиданности?), торопливо вытерла слезы и глубоко вдохнула, подавляя рыдания.

– Привет, – поздоровалась она, попытавшись улыбнуться.

Лана только кивнула, глядя на нее настороженно.

– Я тебя напугала? Прости, – повинулась незнакомка. – Ты, должно быть, Лана?

– Да. А ты?

– А я Марта.

– Я тебя не знаю.

– Увы, – снова улыбнулась девушка.

Лана ее толком не помнила, но чем больше думала о том дне, тем больше ей казалось, что неожиданная гостья действительно была рыжей. Она ей тогда ничего так и не сказала. Не объяснила ни почему они с отцом так кричали друг на друга, ни почему она плакала. И зачем приходила, тоже не сказала. Она лишь перекинулась с ней парой ничего не значащих фраз, а потом попрощалась и торопливо ушла. Больше Лана ее никогда не видела.

Почему? Почему отец их никогда не знакомил? Почему Марта не навещала его? Почему она его ненавидит? И зачем она приходила в тот раз? Чем так разозлила отца? Ответов не было.

Подошедший официант забрал у нее пустые тарелки и ненавязчиво предложил на десерт шоколадный торт.

«Отличная идея», – успела подумать Лана, но, к счастью, не успела произнести этого вслух, потому что внезапно вспомнила, что у нее нет денег. То есть нет доступа к счетам, на которых они лежат. Раньше она никогда не задумывалась о том, сколько стоит обед в ресторане, потому что просто ставила на счет особую магическую метку – и он оплачивался. Теперь же она так сделать не могла.

Официант отошел, получив в ответ едва заметное отрицательное движение головы, а Лане внезапно стало очень жарко. Сердце снова забилось быстро и нервно, а щеки наверняка загорелись.

Как же будет стыдно! И что с ней сделают? Вызовут легионеров и арестуют? Нет, конечно, она полагала, что в таком случае Марта все-таки оплатит счет из контролируемых ею средств, но это будет просто ужасно стыдно.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Лана торопливо открыла сумочку и порылась внутри, делая вид, что ищет помаду или платок. Порой у нее залеживались в кармашках наличные: за мелочи вроде бокала вина, чашку кофе с пирожным или порцию мороженого в городском парке проще было платить сразу. Во время недавних каникул она не раз ходила гулять и тусоваться с подружками, а потому наличные деньги вполне могли где-то заваляться.

Несколько банкнот действительно нашлись, а когда официант принес счет, оказалось, что их даже хватает. Ждать сдачу Лана не стала, поскольку ее было принято оставлять в качестве чаевых, но когда уходила, внутри что-то неприятно тянуло и болезненно ныло. В сумочке осталось всего несколько монет. Теперь у нее окончательно нет денег даже на еду. Разве что на мороженое в парке.

Снова оказавшись на улице, Лана первым делом достала из кармана жакета сложенный лист бумаги – выписку со счета, которую ей успел вручить поверенный. Моргнула несколько раз, всматриваясь в цифры.

Или она чего-то не понимает, или Марта как-то уж очень опрометчиво заявила, что на эти деньги можно оплатить годовое обучение и останется еще на год умеренных трат после выпуска. По мнению Ланы, этих денег могло хватить от силы на месяц. Ну, на три, если не покупать новую одежду. И, конечно, не тратить ни на какое обучение.

Впрочем, и до этих денег нужно как-то дожить. Единственное, что пришло Лане в голову, – это постучать в двери родителей Альмы. Они дружили с самого детства, часто гостили друг у друга по несколько недель, наверняка Даймонды не откажутся приютить ее на пару дней, а то и на месяц, пока она не разберется, что делать дальше. Может быть, у короля проснется совесть и он вернет ей всё то, что принадлежало семье до того, как отец возглавил Правительство.

После секундного колебания Лана вернулась в ресторан, чтобы воспользоваться их порталом. Ее, конечно, тут же провели в соответствующий зал, однако

дальше все пошло не так.

– Кто запрашивает открытие? – вежливо поинтересовался управляющий порталом маг.

– Лана Лерой.

– Одну секунду.

Он поколдовал над панелью управления и вдруг нахмурился.

– Прошу прощения, госпожа Лерой, но пришел отказ.

– Не может быть, они мне никогда не отказывали. Попробуйте еще раз!

Маг послушно повторил свои манипуляции, после чего виновато пожал плечами и развел руками.

– Увы, может быть, они сегодня не принимают гостей. Я могу отправить вас куда-нибудь еще?

Лана вздохнула и попросила открыть портал в Центральный парк. Хотя бы это прошло без проблем.

Медленно шагая по широким дорожкам и прячась в тени ветвистых деревьев, Лана с тоской думала о том, что слова Марты оказались верны не только в отношении потенциальных женихов. Похоже, никто из ее прежнего окружения не протянет руку помощи, если даже Даймонды не захотели пускать на порог. Впрочем, даже родная мать предпочла сбежать, прихватив с собой всё, что смогла унести, и бросив ее на произвол судьбы. Так чего ждать от чужих людей? Лана с детства усвоила главное правило: пока ты богат и обладаешь достаточно устойчивым положением в обществе, перед тобой открыты все двери. Стоит упасть, тебя перестанут замечать. Хорошо, если не затопчут.

И вот что теперь делать? В кармане всего несколько монет, ночевать негде, есть нечего. И даже чемодан остался у поверенного. Не то чтобы гордость позволила Лане встать посреди парка с открытым чемоданом и продавать прохожим по

бросовым ценам дороговую одежду и всякие безделушки, надеясь заработать на ночь в гостинице.

Воспользоваться предложением сестры? Хотя бы для вида, до совершеннолетия? Внутри моментально разгорался пожар негодования, стоило только представить, как она пойдет к Марте на поклон.

Мысли Ланы бродили по замкнутому кругу, пока она сама бродила по тропинкам парка. Устав, пристроилась на скамейке, предварительно купив на оставшиеся деньги несколько газет, в том числе оппозиционный «Ястреб». И если большие статьи в «Столичном вестнике» и «Королевской правде» вновь заставили ее кровь вскипеть, а ее саму – едва не расплакаться от злости и обиды на резкие слова об отце, то колонка Ле Крока пролилась на сердце бальзамом.

Об аресте и приговоре он действительно сообщил первым, но, как ни странно, его статья была не столько о канцлере Лерое, сколько о Его Величестве Сорроу. Ле Крок задавался теми же вопросами, что и Лана: что это за суд такой, который проходит за закрытыми дверями, за один день и без права на защиту? Можно ли доверять вердикту короля? Или он просто уничтожает неугодного политика? Мог ли король испугаться харизматичного канцлера на фоне выступлений республиканцев и недовольства некоторых граждан восстановлением монархии?

Пожалуй, Ралм Ле Крок оказался единственным журналистом, усомнившимся в виновности отца Ланы. Это давало слабую надежду на то, что с арестом и приговором все-таки можно что-то сделать. Жаль только, что голос оппозиционного «Ястреба» оказался быстро заглушен другими голосами. Если бы только таких журналистов было больше...

Лана прочитала «Ястреба» от корки до корки, в глубине души надеясь найти портрет Ле Крока. Многие статьи сопровождались небольшим изображением их авторов, но не в его случае. За это время день успел начать клониться к вечеру, вопрос ночлега и ужина снова встал ребром. Бросив еще один взгляд на газеты, Лана решительно встала со скамьи и направилась к portalу.

«Другой план, говоришь? – думала она, испытывая внезапный прилив энтузиазма. – Будет тебе другой план!»

План Ланы был прост до безобразия, она даже удивилась, что эта мысль не пришла ей в голову сразу. Если уж она должна кем-то стать, чтобы получить доступ к своим же деньгам, то она может стать журналистом. Что тут сложного? Даже не придется ничему учиться. Она уже писала несколько статей для журнала, принадлежащего матери. В Лексе у нее хватало дисциплин, развивающих владение письменным словом, так что проблем не возникнет. Она станет безжалостным критиком Норда Сорроу, вторым Ле Кроком, их голоса зазвучат громче, и тогда к ним прислушаются. Король еще пожалеет, что связался с ее семьей!

Воодушевленная этой идеей, Лана достаточно быстро добралась до СКА, хоть и не помнила точно, где она находится, пришлось спрашивать дорогу у прохожих. Когда перед ней маячило скромных по сравнению с Лексом размеров здание, ее голова была полна фантазий, в которых первые полосы газет пестрели ядовитыми заголовками ее сочинительства, а вокруг все говорили о новой дерзкой и бесстрашной журналистке, разоблачающей власть в каждой статье. Лане так нравилась нарисованная ею картинка, что она уже чувствовала себя на вершине мира и искренне считала, что заслужила ужин в хорошем ресторане.

Однако все ее фантазии разбились о равнодушное выражение лица женщины средних лет, сидящей в пустынном просторном холле с высоким потолком за стойкой с надписью «Информация».

– Профессор Бренон уже ушла, приходите завтра.

– Я не могу завтра, она нужна мне сегодня! – возмутилась Лана.

– Тогда вам стоило прийти раньше. Рабочий день заканчивается в шесть, а сейчас уже почти семь.

– Но вы же еще здесь.

Женщина вздохнула, изобразив на лице утомление непроходимой тупостью посетительницы, и пояснила:

– Мы работаем посменно. Двери Академии открыты с шести утра до полуночи из-за общежития, но преподаватели уходят самое позднее в шесть, если только они сами не живут здесь.

– Марта Бренон здесь точно не живет?

– Абсолютно.

– А где она живет?

Женщина выразительно выгнула бровь, вновь посмотрев на Лану, как на недоразвитую.

– Она мне не отчитывается.

– Но разве нельзя у вас узнать ее адрес? – в отчаянии и раздражении топнула ногой Лана. Перспектива ночевать на улице ей совершенно не улыбалась. – Вы же «информация», вы обязаны информировать! Неужели вы не можете мне помочь?

– Не могу, – отрезала женщина. И окинув ее недовольным взглядом, добавила: – И не хочу.

Лана зло прищурилась, снова чувствуя, как негодование поднимается внутри высокой волной. Она редко сталкивалась с таким поведением. Обычно обслуживающий персонал старался угодить людям вроде нее, а свою собеседницу она относилась именно к обслуживающему персоналу. В Лексе только преподаватели, да и то не все, позволяли себе высокомерие по отношению к студентам. Уж точно не какая-то административная крыса.

– Вы вообще знаете, кто я такая и какие у вас будут проблемы, если вы немедленно не достанете мне адрес Марты Бренон?

Слова вырвались у нее быстрее, чем она успела их обдумать и понять, что сейчас ее положение работает скорее против нее. Если женщина действительно узнала в ней дочь осужденного канцлера, то насмешек не избежать.

К счастью, администраторша скользнула по ней совершенно равнодушным взглядом, пожала плечами и бросила:

– В мои обязанности не входит знать всех студентов, нынешних, будущих и бывших. И адреса преподавателей всем желающим мы не выдаем.

– Тогда я хочу поговорить с вашим начальством, – ледяным тоном процедила Лана универсальную фразу, сбивающую спесь с любого наемного работника.

Однако и это не подействовало. Женщина только презрительно усмехнулась.

– Тогда приходите завтра. А сейчас, будьте так добры, покиньте помещение.

– Да что вы себе позволяете! – вспылила Лана. – Вас отсюда завтра же уволят!

Она выкрикнула это просто от бессилия и страха перед улицей. Алария считалась безопасным городом, но Лане еще ни разу не приходилось оставаться в городе ночью одной.

– Да неужели? – фыркнула непробиваемая женщина, отчего захотелось вцепиться ей в волосы.

На окраине сознания мелькнула мысль, что она могла бы смягчиться и пойти Лане навстречу, если бы та честно объяснила ей, в чем проблема и почему Марта Бренон нужна ей именно сегодня, но описывать постороннему человеку свою ситуацию казалось слишком унижительным.

– Что здесь происходит, госпожа Флесс? – прервал их перепалку прозвучавший за спиной Ланы мужской голос.

Серьезный такой, весомый голос, в котором сразу чувствовалось наличие власти, пусть даже и локальной. Вероятно, мымра за стойкой все же просчиталась и кто-то из руководства университетом еще оставался на месте.

Лана торопливо обернулась, скрещивая руки на груди и накидывая на себя вид оскорбленной невинности, чтобы сразу дать понять, как она недовольна происходящим, но увидев вмешавшегося мужчину, напрочь забыла, чем,

собственно, недовольна. Сердце подпрыгнуло вверх и застряло где-то в горле: ни вдохнуть, ни сглотнуть, ни слова вымолвить.

В своей жизни Лана видала немало красивых мужчин. Она выросла среди них: в рядах «новой элиты», как условно называли семьи, поднявшиеся с приходом Республики, было принято следить за внешностью и улучшать ее всеми доступными способами. А за деньги в магическом мире можно было сделать многое, даже купить нелегальную иллюзию, делающую тебя совершенно другим человеком. Но дело было не в том, что мужчина перед ней оказался молод и красив.

Как бы «новая элита» ни старалась, даже лучшие ее представители все равно часто проигрывали «старой аристократии». Не из-за титулов и родословных, уходивших вглубь веков. Аристократы не заморачивались такими мелочами, как количество сантиметров в талии, кубиков на прессе или белизной своих зубов, но при этом умудрялись держать себя как-то по-особенному. Ходить, сидеть, стоять и смотреть иначе. Нечто неуловимое было в их осанке, повороте головы и развороте плеч. В их крови с самого рождения плескалась железобетонная уверенность в собственном превосходстве над остальными. Особенно у тех из них, что относились к некогда королевским семьям. Но дело было и не в том, что незнакомец держал себя как аристократ, хоть и одевался явно в обычном магазине, а не шил свои темные брюки и светлую рубашку на заказ.

Что-то было в его взгляде такое, от чего Лана на время лишилась дара речи.

– Тут вот девушка непременно хочет видеть профессора Бренон, – объяснила женщина за стойкой, возвращая Лану в реальность. – Прямо вот немедленно.

– А почему вдруг такая срочность? – поинтересовался мужчина, чуть хмурясь, с интересом изучая Лану взглядом. – Кто вы?

– Я ее сестра, – объяснила та, отчего-то вдруг охрипшим голосом.

– Так у нее вроде бы нет сестер, – тут же не преминула заметить та, кого мужчина назвал госпожой Флесс.

Сам незнакомец вдруг улыбнулся и уточнил:

– Вы Лана?

От неожиданности она только кивнула. Откуда он знает?

– Тогда идемте со мной, – незнакомец поманил ее за собой кивком головы. – Спасибо, госпожа Флесс, дальше я сам с этим разберусь.

Лана последовала за мужчиной, успев напоследок обернуться к женщине за стойкой, чтобы одарить ее победным взглядом. Едва удержалась, чтобы не показать ей язык.

* * *

Вслед за мужчиной она пересекла холл, поднялась на второй этаж и прошла по пустынному коридору, каждый шаг в котором отражался от стен гулким эхом. Лана не очень активно осматривалась по сторонам, но все равно мысленно отметила, что Столичная Королевская Академия совсем не похожа на Лекс с его серым камнем и древними мрачными коридорами. Это здание определенно было новым и современным, возможно, возвели его недавно, уже после восстановления монархии. И оттого оно казалось ей скучным.

Освещение магических шаров везде было приглушено, а по пути они не встретили ни души. Академия действительно погружалась в вечерний сон. Должно быть, только в студенческом общежитии сейчас и кипит жизнь.

Мужчина открыл перед Ланой дверь одного из кабинетов и жестом предложил войти, а потом так же безмолвно – сесть на небольшой диванчик, стоявший у дальней стены.

Кабинет, в котором они оказались, был небольшим, но очень светлым благодаря огромному окну почти во всю стену. Обставлен лаконично, но функционально: огромный письменный стол, сейчас заваленный какими-то бумагами, несколько стульев, пара вместительных шкафов с глухими дверцами, тот самый диванчик, на котором устроилась Лана, низкий столик перед ним и высокая узкая тумба рядом.

Пока Лана устраивалась на диване и поглядывала по сторонам, мужчина вытащил из тумбы чайник и пару чашек и в несколько движений, легко и непринужденно направляя магический поток, наполнил чайник кипятком и заварил чай. Разлив его по чашкам, он протянул одну Лане, а вторую взял себе и тоже сел у стола. Но не на диван, к великому сожалению Ланы, а на послушно подъехавший от противоположной стены стул.

– Значит, ты и есть Лана Лерой, сводная сестра Марты, – констатировал мужчина, сразу переходя на «ты».

Теперь его голос звучал довольно мягко, совсем не так, как в холле, и сам он всем своим видом демонстрировал дружелюбие, но то, от чего по спине Ланы ползли колющие мурашки каждый раз, как она ловила его взгляд, никуда не делось. И это были не мурашки романтического возбуждения, хотя мужчина Лане объективно нравился, пусть он был и старше ее обычных кавалеров. На вид он был скорее ровесником новообретенной сестры.

– Я рад с тобой наконец познакомиться. Марта много о тебе рассказывала.

– Неужели? – удивилась Лана, осторожно поднося к губам изящную чашку с тонкими стенками, от которой поднимался ароматный пар. Она затруднялась определить набор трав в смеси, но пахло вкусно. – Когда она успела?

– Мы работаем вместе уже третий год. Примерно столько она о тебе и рассказывает.

Лана едва не поперхнулась чаем. От греха подальше поставила чашку обратно на блюдце и всё вместе – на стол. Это было неожиданно! Ведь они никогда не общались...

– Она читает о тебе в светской хронике, – пояснил мужчина, верно истолковав удивление на ее лице. – Следит за ней только ради тебя. Как я понимаю, ты ее единственная живая родственница.

От внезапно накативших смущения и неловкости запершило в горле и захотелось отвести взгляд.

– Не совсем так, – немного хрипло поправила Лана. – Наш общий отец точно жив.

– Да, действительно, извини. Марта никогда не брала его в расчет, вот и я перестал.

– А вы ее?..

– Коллега, – быстро уточнил мужчина. Даже слишком быстро. – И друг. Меня зовут Рейн Братт, я тоже преподаю здесь.

Братт. Лана порылась в памяти, но так и не смогла вспомнить эту фамилию. Значит, она все-таки ошиблась и никакого отношения к «старой аристократии» этот красавчик не имеет.

– Я полагаю, ты так срочно ищешь Марту, потому что решила принять ее предложение?

И снова Лана почувствовала, как ее захлестнуло горячей удушливой волной стыда. Он ведь всё знает! Не об аресте ее отца, об этом уже все знают, а о том, что она теперь полностью зависит от Марты. Как минимум, следующие три месяца.

– Нет, – торопливо возразила она, чтобы сразу расставить все необходимые точки. – Марта сказала, что если я предложу альтернативный план, она отдаст мне мои деньги.

– И у тебя появился такой план? – как показалось Лане, искренне поинтересовался Братт.

– Да. Я буду журналистом. Политическим. Вроде Ралма Ле Крока.

– О, вот как, – по его губам скользнула улыбка, которая показалась ей насмешкой. – Собираешься обличать режим, как и он?

– Его Величеству не помешает дополнительная критика. На мой взгляд, он заигрался.

– И ты собираешься делать это без подготовки? То есть без обучения?

– Я уже писала статьи раньше, – гордо заявила Лана, чуть вздернув подбородок. – И почти окончила Лекс, то есть получила прекрасное образование по многим дисциплинам, в том числе истории, философии, обществознанию. Не думаю, что у меня возникнут проблемы.

– То есть у тебя уже есть публикации? На какую тему?

Подбородок сам собой опустился чуть ниже.

– Я несколько раз писала для журнала «Элитарно».

– А, светская хроника и путеводитель по красивой жизни.

На этот раз это точно была насмешка. Отвратительная в своих снисходительных оттенках.

– Это самый продаваемый журнал в своей нише!

– Не спорю, – тут же заверил Братт. – Но он очень далек от политической журналистики. О чем ты писала?

– О бале дебютанток два года назад... – принялась перечислять Лана.

– Когда сама была дебютанткой?

– Да. А что такого?

– Ничего, как раз это очень хорошо: ты писала о том, что знаешь, видела изнутри. С позиции участника, как я понимаю.

Лана нахмурилась: хоть его слова и звучали одобрительно, она чувствовала в них какой-то подвох.

– Давно ты интересуешься политикой? – смягчив тон, спросил Братт. – Или сегодня открыла газеты впервые и только для того, чтобы прочитать статьи об отце?

Подбородок опустился еще ниже, лицу стало жарко.

– Что ты знаешь о методах сбора и обработки информации? Об анализе политических событий? Собираешься писать оперативно-исследовательские тексты или исследовательско-новостные? Или исследовательско-образные? Знаешь, чем они отличаются друг от друга? Умеешь брать интервью? Проводить журналистское расследование?

– О, что вы пристали ко мне?! – не выдержала Лана, вскакивая с дивана. – Мне не нужны ваши сомнения! Если знаете, как связаться с сестрой, помогите это сделать, а если нет, то не морочьте мне голову. Справлюсь как-нибудь.

Братт остался сидеть, но Лане все равно казалось, что он смотрит на нее сверху вниз. Раньше такое не удавалось даже преподавателям Лекса. И даже ректору!

– Я не хотел тебя задеть или обидеть, – примирительным тоном заверил он. – Я просто хотел показать, что в этой профессии есть много нюансов, о которых ты сейчас и не подозреваешь. Ты можешь принять предложение сестры и за оставшийся учебный год освоить если не все перечисленное, то большую его часть. Это будет непросто, конечно, но это возможно. Я изучил твой табель из Лекса: ты действительно прослушала достаточное количество гуманитарных и экономических дисциплин, в этом году в СКА сможешь взять только профессиональные. Первый триместр, конечно, придется нагонять, но и Марта, и я с удовольствием в этом поможем.

– И вы? – удивилась Лана. – Вы здесь каким боком? И почему вообще вы изучали мой табель? По дружбе?

Братт снова улыбнулся, но на этот раз вполне искренне, без издевок. Удивительно, но когда он так улыбался, пугающее нечто, прячущееся на дне глаз, почти исчезало.

– Просто я куратор нынешнего четвертого курса, поэтому с просьбой взять тебя уже после начала второго триместра Марта обратилась именно ко мне. По

счастливой случайности... а может быть, и не очень счастливой... В общем, технически я могу это сделать. Мы с Мартой сегодня смотрели, что ты изучала в Лексе, чтобы понять, какие варианты у тебя есть в СКА. Журналистика – один из них.

– Вот как, – выдохнула Лана, медленно опускаясь обратно. – Значит, вы будете моим куратором, если я соглашусь с планом Марты?

– Всё верно.

Это был аргумент. Даже не так. Аргументище. Во всяком случае, будет с кем пофлиртовать. Не то чтобы обычный препод мог всерьез заинтересовать Лану Лерой... Но замуж она и не торопится.

Вероятно, подучиться будет не так уж плохо. Всяким этим оперативным и исследовательским текстам, анализам и прогнозам.

И не беда, что Столичную Королевскую Академию учредил Норд Сорроу. Есть в этом даже какая-то ирония судьбы. Он практически собственными руками создаст своего самого непримиримого критика. И, возможно, это станет началом его конца.

От этой мысли по губам Ланы расплылась довольная улыбка.

– Хорошо, я согласна.

Глава 4

Напоив Лану чаем и получив ее согласие, профессор Братт отвел ее к Марте. Оказалось, что та живет буквально в десяти минутах ходьбы от академии. Все это время он не лез к Лане с расспросами об осуждении отца и побеге матери, вообще делал вид, что ничего такого не произошло, и Лана была ему за это благодарна.

Марта встретила ее со спокойным гостеприимством. Лишь легкое удивление, промелькнувшее на лице, выдало тот факт, что она уже не надеялась увидеть Лану снова сегодня. А вот выдоха облегчения от того, что это все-таки произошло, Лана не заметила.

Ей хотелось надеяться, что Братт останется на ужин, было интересно понаблюдать за тем, как он будет вести себя с ее сестрой, а она – с ним. Дружба дружбой, но, по мнению Ланы, между мужчиной и женщиной она возникает или как начало романа, или после его завершения. И какой бы Лана ни была, она имела четкое правило: с парнями подруг не флиртуют. Теперь это правило имело смысл расширить и до сестер.

Однако симпатичный уже почти куратор на ужин не остался, предпочел быстро попрощаться, вежливо выказав нетерпение в ожидании завтрашней встречи.

Квартира у Марты была очень маленькая. Практически размером с апартаменты, в которых Лана жила в Лексе, деля их с подругой детства: большая гостиная и две небольшие спальни. Отличало ее только наличие кухни, из которой доносились умопомрачительные для голодной Ланы запахи.

К чести сестры, та тоже не стала ни о чем расспрашивать и ничего говорить. Просто накормила и уложила спать. За ужином – самым вкусным из тех, что когда-либо ела Лана – она по собственной инициативе решила сообщить Марте, что будет учиться на журналиста, однако пояснять причины именно такого решения не стала. Сестра явно симпатизирует монарху, еще начнет отговаривать, а Лана не чувствовала в себе сил спорить. Сама Марта тоже не стала уточнять. То ли не желая сейчас мучить расспросами, то ли решив, что это вполне логичный выбор, раз мать Ланы владеет журналом. Его после разбирательства могли и вернуть, но родительнице он уже явно не понадобится.

Лана думала, что будет всю ночь мучиться тревожными мыслями, но уснула, едва ее голова коснулась подушки, невзирая на то, что постель была совсем не такая удобная, как она привыкла. Видимо, сказалась длительная прогулка на свежем воздухе.

А на следующий день все закрутилось так быстро, что Лана и сама не успела оглянуться, как в понедельник уже стала студенткой Столичной Королевской Академии и оказалась на пороге своей новой комнаты в общежитии, держа в

руках папку с документами, в том числе расписанием занятий. Позади нее в воздухе болтался чемодан, который Оберман любезно прислал в академию по просьбе Марты.

– Что за ерунда? – выдохнула Лана, обводя взглядом комнату, в которой стояли сразу две кровати, два письменных стола и два платяных шкафа. – Это общежитие или тюремная камера?

Будущая соседка, еще собиравшая сумку перед занятиями, смерила ее крайне недовольным взглядом, задержав его на одежде, которую Лана носила уже – страшно подумать! – третий день. Сегодня ее брючный костюм выглядел не так блистательно, но дорогая магия и эксклюзивный крой в нем все равно чувствовались.

– Даже не знаю, спроси у отца, на что похожа его камера, – бросила она в ответ, давая понять, что прекрасно знает, кто Лана такая.

Закинув сумку на плечо, соседка стремительно вышла из комнаты, не то случайно, не то нарочно толкнув Лану на ходу.

И это оказалось лишь первым неприятным эпизодом за день.

Пока Лана переодевалась и приводила себя в порядок, занятие успело начаться, поэтому она вошла в аудиторию, когда преподаватель уже бросил на доску название лекции и начал рассказывать. Чего Лана хочет и почему ему мешает, он понял не сразу, а когда понял, потратил еще добрых пять минут, чтобы как следует ее отчитать.

– Очень надеюсь, что впредь вы будете более пунктуальны, – завершил он свою в высшей степени занудную речь, во время которой целая аудитория незнакомых людей рассматривала Лану так, словно у нее выросла вторая голова. Разве что пальцами не тыкали. – Я потратил на вас неприлично много времени...

– Не то чтобы я была в этом виновата, – парировала Лана, все-таки не выдержав. – Я могла бы просто войти, сесть и начать записывать. Допрос с пристрастием и лирическое отступление на тему поведения были исключительно вашей инициативой.

По его ответному взгляду Лана поняла, что еще до полудня успела нажать себе в академии второго врага. Это предположение подтвердилось, когда лектор снова прервался, чтобы изъять у нее зачарованную на самостоятельное записывание за преподавателем ручку. В Лексе такими нынче пользовались все, потому что это было просто и удобно, но оказалось, что в СКА они запрещены.

– Записывающие голос артефакты тоже, – со смакованием добавил преподаватель. – Здесь, госпожа Лерой, вам придется работать самостоятельно. Слушать и сразу вычленять важное. И не прогуливать.

К чему относилось последнее замечание, Лана так и не поняла: она никогда не прогуливала. Да, в свободное время могла вести себя сколь угодно отвязно, за словом в карман не лезла, но если уж предмет был ей интересен или просто важен, то училась она всегда на совесть. Вот на ненужное и неинтересное время действительно не тратила...

Конечно, с непривычки она смогла записать только половину лекции, остальное просто не успевала. Поскольку предмет она раньше не изучала, понять, что важно, а что не очень, сходу не получалось. В итоге она стала просто записывать темы, решив, что после изучит их самостоятельно в библиотеке.

Взгляды новых однокурсников она ощущала на себе до самого конца лекции, очень пожалев, что не села в огромной аудитории с поднимающимися наверх рядами на самый последний. Те, кто сидел впереди, оглядываться почти не решались.

Зато они отвели душу, когда лекция закончилась и все поднялись со своих мест, собирая вещи. Теперь на Лану обратилось в два раза больше взглядов, сопровождающихся тихими перешептываниями. И хотя она не слышала, что именно говорят однокурсники, ей казалось, что все они обсуждают ее отца и позор семьи. А судя по тому, как некоторые завистливо скользили взглядами по ее новому платью, – и ее саму, и ее неуместность здесь.

С последним Лана даже и не спорила: она совершенно точно не подходит СКА, как СКА не подходит ей. При других обстоятельствах ноги бы ее здесь не было.

«Но раз я терплю, то и вы потерпите», – мысленно огрызнулась она и закинула на плечо маленькую сумочку.

Та, как и ее чемодан, обладала не только магией пространственного сжатия, но и более сложной – облегчения. Артефакторы хорошо над ней потрудились: сколько бы учебников и милых женскому сердцу мелочей Лана туда ни складывала, сумка оставалась практически невесомой.

Набросив на себя независимый и – для профилактики – немного высокомерный вид, Лана направилась к выходу из аудитории, но успела спуститься лишь на пару рядов, когда дорогу ей преградила высокая худощавая девица с пересушенными тонкими светлыми волосами. Плоская как доска, она вполне могла бы сойти за парня, учитывая, что одевалась почти как они. Как и многие тут. Если бы не прическа и макияж, можно было и ошибиться.

Лана попыталась ее обойти, но по бокам тут же встали еще две девушки, более женственные на вид. Сердце неприятно екнуло, но Лана не подала вида. В Лексе между студентами тоже часто происходили стычки. Аристократы конфликтовали с новой элитой, да и внутри групп постоянно выясняли, кто круче.

Однако, не имея за спиной никакой поддержки, Лана в подобных стычках еще не участвовала.

– Пройти дай, – потребовала она.

– Это вместо «здравствуй»? – хмыкнула девица, смерив ее презрительным взглядом. – Так себе у вас с воспитанием в вашем высшем обществе.

– Здравствуй, – едко передразнила ее Лана и добавила: – Пройти дай.

– Послушай, детка, ты бы прикрутила борзость, – плотоядно улыбаясь, заявила долговязая сокурсница, скрещая на груди руки. – А то ведь и пожалеть можно. Я староста курса. И на правах старосты хочу тебе сообщить: тебе здесь не рады. Никто из нас. По моему мнению, надо было посадить в тюрьму всю вашу вороватую семью, а не только твоего папашу. Потому что все вы одинаковые. Сначала наживаетесь на других, а потом делаете морду кирпичом и кривите носики, считая остальных убогими отбросами. Так вот, милая, хочу, чтобы ты поняла. Теперь отбросы – это ты. И лучше бы тебе уйти отсюда по-хорошему. А то ведь и огрести можно.

– Неужели? – Лана лишь удивленно приподняла брови, хотя сердце стучало в ушах и от злости, и от обиды, и от страха – что уж скрывать. – А ты уверена, что огребу именно я, а не вы все, когда король поймет свою ошибку? Не рано ли начали плясать на наших костях?

То ли ей удалось сказать это очень убедительно, то ли староста не ожидала такой реакции, но уверенность ее на мгновение пошатнулась. Но только на мгновение. И неизвестно, чем бы закончился их разговор, если бы долговязую не окликнул знакомый голос:

– Эри!

Агрессивность тут же исчезла из выражения лица и позы девицы. Она обернулась и улыбнулась мужчине, стоящему на пороге аудитории.

– Добрый день, куратор Братт. А я тут ваше поручение как раз исполняю. Инструктирую новенькую.

– Спасибо, Эри, это очень мило с твоей стороны, – кивнул Братт, но скептическое выражение на его лице давало понять, что он не поверил ангельскому голосочку и прекрасно видел, как все происходило на самом деле. – Думаю, на сегодня Лане достаточно твоей заботы. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Староста Эри вскинула руки и торопливо удалилась в сопровождении подружек, бросив Лане на прощание:

– Еще увидимся.

Угроза это или просто констатация факта, Лана так и не поняла.

* * *

– Как у тебя настроение? Как проходит первый день? – поинтересовался Братт, когда аудитория наконец полностью опустела.

Лана обворожительно улыбнулась, без особой надобности поправляя платье, которое было надето в основном ради такой вот встречи, и продолжила свой путь к выходу и, соответственно, куратору.

– Только что стало гораздо лучше, – кокетливо заявила она, склоняя голову набок.

Брови Братта едва заметно дрогнули, приподнимаясь, но удивление тут же уступило место пониманию и улыбке. Обычной улыбке, без тени флирта, скорее, с легким налетом снисходительности.

– Я провожу тебя до следующей аудитории, – предложил он. – Есть небольшой разговор.

– Надеюсь, на какую-нибудь интересную тему, – хмыкнула Лана, замешкавшись в коридоре: она точно не знала, куда идти.

В итоге дорогу взялся показывать сам куратор, когда она назвала нужную ей аудиторию.

– Речь пойдет о дисциплине, – пояснил Братт, когда они определились с направлением.

– Нет, это не очень интересно, – Лана картинно скривилась.

– Да, я так и понял, когда из Лекса вслед за табелем прислали твою характеристику. Как я понял, у тебя были большие проблемы по этой части.

– Что я могу сказать? Мне трудно подчиняться общим правилам.

– Боюсь, придется научиться. Я не собираюсь формировать свое мнение о тебе, основываясь на прошлых грехах, но хочу предупредить.

Он замолчал и остановился, чтобы повернуться к ней всем корпусом и заглянуть в глаза, когда она была вынуждена сделать то же самое.

– Я не терплю неуважения или небрежности в учебе. Одно нарушение – предупреждение, два – наказание, три – отчисление. Как бы хорошо я ни относился к Марте. Это ясно?

Настроение для флирта как рукой сняло. Лана вновь ощутила колющие мурашки, пробежавшие по коже, когда градус его голоса упал куда-то в область абсолютного нуля. И снова это выражение в глазах... Только что он улыбался и казался обычным красавчиком, с которым приятно пофлиртовать между делом. Но вот улыбка растаяла, и остался только взгляд, пробирающий морозом до костей. Он так не вязался с его внешностью, что невольно заставлял задуматься о наложенной иллюзии.

– Не бойтесь, профессор Братт, – теперь уже серьезным тоном ответила Лана, не отводя собственного взгляда от его глаз. – Проблем со мной у вас не будет. Уж если я решила получить это образование, я его получу. Мотивации хватает.

Его взгляд снова потеплел, губ коснулась улыбка.

– Я рад это слышать, – кивнул он и продолжил неспешное движение к нужной им аудитории. – Хотя меня и смущает твоя мотивация.

– Вы тоже большой поклонник Его Величества, как и моя сестра? – скривилась Лана.

– Дело не в этом. У меня нет политических предпочтений. Мне что король, что канцлер. Лишь бы никто жить не мешал. Но путь, на который ты так стремишься, опасен в своей разрушительности. Возьми того же Ле Крока. Полагаю, у него есть причины недолюбливать короля, он критикует его регулярно и безжалостно, что бы ни происходило. Но он делает это из-под псевдонима, никому не показывая свое истинное лицо.

– Seriously? – удивилась Лана. – Неужели никто не знает, кто такой Ралм Ле Крок? Издатель-то должен знать?

– Если он его и знает, то тоже тщательно это скрывает. Я читал, что Ле Крок неуловим, как фантом. Иногда даже говорят, что это не какой-то человек, а группа людей. Коллективный псевдоним, маска, которую дает издатель тем, кто особенно резко критикует режим. Для их безопасности.

– Вот оно что... – задумчиво протянула Лана, глядя строго себе под ноги. – Да, наверное, так безопаснее, а то попадешь под Королевский Суд – и поминай как звали.

– И да и нет. Это затрудняет возможность мести со стороны критикуемого, но в то же время снимает с человека ответственность за то, о чем он пишет. Анонимность ведет к безнаказанности, а безнаказанность неизменно ведет к тому, что человек перестает замечать границы разумного. И допустимого.

Он выразительно покосился на нее, и Лана непроизвольно поежилась под его взглядом. Намек был достаточно прозрачным, чтобы она его не поняла. Вспомнились слова ректора Сайдера о сгоревшем доме, где они с друзьями устроили вечеринку. Если задуматься, действительно не лучшее место для веселья, но в тот вечер Лана ни о чем таком не задумывалась. Она тоже перестала замечать границы разумного. И допустимого.

К счастью для Ланы, они как раз дошли до нужной аудитории. К несчастью – Братт не торопился уходить. Он явно был доволен тем, что смог заставить ее задуматься, но сказал еще не всё.

– Пойми меня правильно. Твой интерес к политической журналистике, особенно если он продержится хотя бы пару лет, – это очень похвально. Хорошо, когда человеку не все равно, когда он готов что-то делать, чтобы стало лучше. Но помни, что созидать всегда конструктивнее, чем разрушать. Для тебя самой в первую очередь.

– Я запомню, – пообещала Лана, избегая его взгляда.

– Хорошо. И напоследок хочу сказать: я очень рад, что ты все же пришла к нам. Значит, всё в жизни происходит не случайно.

Вот теперь Лана подняла на него глаза, непонимающе хмурясь.

– О чем вы?

Братт пару секунд колебался, но потом все же объяснил:

– Я смог взять тебя на курс только по одной причине: незадолго до этого у нас пропала студентка. Я взял тебя на ее место.

– Как это – пропала?

– Ну, пропала, потерялась, сбежала, была похищена... Никто точно не знает, Легион еще ведет расследование.

– Но вы уже взяли меня на ее место? А если она найдется?

– Тогда и будем думать. Сейчас всё выглядит так, будто она просто сбежала: часть вещей исчезла вместе с ней, но она никому ничего не сообщала. И с родителями не связывалась. Возможно, в этом замешан мужчина. Не знаю. В любом случае, если она действительно сбежала, то теперь уже вернуться на курс не сможет. Так что учись, Лана, раз всё так сложилось. Возможно, это твоя судьба.

Сделав это громкое заявление, он наконец повернулся и пошел прочь, а Лана отправилась в аудиторию, чтобы в этот раз точно не опоздать и занять стратегически выгодное место.

Однако судьба или нет, а до конца дня легче ей не стало. Пусть следующий лектор не обратил на нее никакого внимания, она постоянно ловила на себе враждебные взгляды. Отсутствие возможности с кем-то поговорить тоже очень угнетало. Вспомнилась Альма, и поперек горла встал ком. Неужели подруга теперь тоже от нее отвернется? Пока длился учебный триместр, она и не могла встретиться с ней: правила Лекса запрещали покидать его территорию без крайней необходимости. Но то, что она даже не попыталась с ней связаться в письме или через зеркальный коридор, – удручало.

Лана решила, что через пару дней, как только у нее всё успокоится, она сама напишет ей. А пока пришлось всю вторую половину дня провести в библиотеке, прорабатывая лекции, которые не успела записать, по учебникам. Из-за чего она едва не пропустила ужин. По крайней мере, кормили здесь хорошо. Без изысков, но вкусно.

В комнату Лана вернулась уже перед самым отбоем. С досадой на себя осознала, что нарочно торчала в библиотеке, чтобы не пересекаться с соседкой. Сам факт

необходимости делить с кем-то комнату приводил ее в ужас, но когда этот кто-то еще и смотрит на тебя волком, становилось совсем противно.

За тот час, что девушки готовились ко сну, никто из них не проронил ни слова. Уже погасив световой шар, Лана вдруг поняла, что даже не знает имени соседки, но спрашивать не стала.

В эту ночь сон как раз не шел. Лана долго балансировала на грани реальности, то проваливаясь в зыбкие, тревожные сновидения, то выныривая из них, пока одно наконец не засосало ее с холодной яростью.

Это был кошмар, какого она еще никогда в жизни не видела. Нет, Лана не смогла бы его описать, рассказать, что именно страшного в нем происходило. На нее навалилась неразборчивая мешанина образов. То глаза слепил яркий разноцветный свет, то почти ничего не было видно из-за сизого дыма. Она ощущала то душное тепло наполненного людьми помещения, то холодные объятия ночной дороги. Но каждая секунда, проведенная во сне, заставляла сердце биться быстрее и болезненно сжиматься от ощущения приближающейся опасности. Словно что-то бестелесное и невидимое ползло к ней, тянуло руки и желало одного – уничтожить, а Лана все никак не могла ни рассмотреть загадочное нечто, ни убежать от него.

В какой-то момент безликое нечто ее настигло, обхватило мягкими руками, словно щупальцами, невообразимым образом проникло внутрь, дотянулось до сердца и сжало его, останавливая. Резкая боль пронзила все тело, Лана хотела закричать, но в легких совсем не оказалось воздуха.

Наверное, она умерла бы уже в следующее мгновение, если бы кто-то не выдернул ее из кошмарного сновидения резким толчком.

Лана села на кровати, тяжело дыша и в панике оглядываясь по сторонам. Она была все там же, в своей комнате, в которой сейчас горел один слабенький световой шар. Над ее кроватью стояла крайне недовольная соседка.

– Ты что, еще и припадочная, что ли? – буркнула она, глядя на Лану не то с ненавистью, не то просто с раздражением. – Хватит орать. Выпей снотворного, если не можешь спать нормально.

С этими словами она вернулась в свою кровать и погасила свет, а Лана еще долго сидела, обхватив колени руками и не рискуя снова опускать голову на подушку.

Глава 5

Лана не спала почти до самого утра. Стоило задремать, как начинало казаться, что нечто невидимое и злонамеренное снова тянется к ней. Лишь когда рассвело, она сдалась крепкому сну, но тот не продлился долго: пришло время вставать на занятия.

Мрачное недовольство соседки по комнате не прибавляло энтузиазма. Голова раскалывалась, и ужасно хотелось наплевать на всё, никуда сегодня не идти, а просто лечь спать. И пусть строгий куратор отчисляет хоть с первого раза. Вся эта затея с учебой на журналиста все равно очень плохая идея.

Однако Лана не позволила себе такой слабости и поплелась в ванную комнату, как только та освободилась. Нет уж, она не сдастся так быстро. Иначе все эти унылые ничтожества решат, что она просто испугалась их недобрых взглядов и сплетен. Обойдутся.

Мама часто повторяла: чем хуже ты себя чувствуешь, тем лучше должна выглядеть. Поэтому сегодня к утреннему макияжу Лана подошла с особенной тщательностью, скрывая следы бессонной ночи и косметическими средствами, и магией. Уложила волосы в роскошные локоны, нарочито небрежно рассыпала их по плечам, как следует закрепив дополнительным заклётием, чтобы в этой своей идеальной небрежности они пролежали весь день. И выбрала самое новое, стильное и дорогое из своих повседневных платьев. Раз уж в СКА не заставляют носить ученическую форму, как в Лексе, то почему бы не выгулять объемный гардероб? В конце концов, это единственное, что осталось у нее от прежней жизни.

Закончив колдовать над собой, Лана посмотрела в зеркало и улыбнулась отражению. На завтрак она теперь не успеет, но оно того стоило. Мама бы гордилась.

Если бы, конечно, ей когда-нибудь было до нее дело. Эта непрошенная мысль заставила улыбку дрогнуть и медленно погаснуть. Ее родители всегда были очень заняты карьерами и общественной жизнью, поэтому Ланой занимались в основном няни и гувернантки. Отец еще как-то пытался иногда изображать живой интерес к ее делам и достижениям, но даже двенадцатилетняя Лана видела, что это только игра на публику или попытка соответствовать каким-то неведомым ей стандартам политика, обязанного быть хорошим семьянином.

Однако мать не делала и того. Может быть, когда-то давно, в глубоком детстве, которого Лана не помнит, она ею и занималась. Возможно, даже иногда качала на руках. Но на ее памяти родительница всегда была холодной и отстраненной. Кажется, никогда не обнимала ее. Вместо этого Лана по утрам пробиралась в ее спальню – у них с отцом были отдельные спальни – и залезала в кровать, прежде чем ее уберут. Она зарывалась лицом в подушку, которая пахла мамиными кремами и бальзамами для волос, пока простыни еще хранили тепло ее тела. Это в некотором роде заменяло ей объятия. Главное было не попасться, потому что мать всегда очень сердилась, если вдруг ловила ее на этом.

Она вообще часто на нее сердилась. Возможно, из-за того, что Лана однажды случайно проболталась отцу о ее любовнике.

Нет, сама Лана тогда даже не поняла, что именно рассказала, осознание пришло несколько позже. Просто каким-то образом однажды она увидела их вместе, в постели. Ничего не поняла и с детской непосредственностью рассказала об этом эпизоде отцу. Скандал был знатный. Мать, наверное, еще месяц с ней не разговаривала и всячески игнорировала.

Сейчас, стоя перед зеркалом и не ко времени вспоминая тот эпизод, Лана вдруг задумалась: а как же она умудрилась оказаться в той спальне в такой пикантный момент? Неужели мать была настолько беспечна? Или няни не уследили? Впрочем, если бы мать изменяла отцу прямо в его доме, то ему об этом доложили бы гораздо быстрее.

Тогда как же так получилось, что она их увидела?

Лана нахмурилась, внезапно разозлившись на себя. Вот какая сейчас разница? К чему все эти воспоминания? Ей сегодня предстоит снова держать удар, не время начинать себя жалеть. Лучше поторопиться, чтобы не опоздать на занятия и не

провоцировать новые конфликты с преподавателями.

Она искренне их не хотела, особенно сегодня, но они возникали как-то сами, будто преподаватели тоже были ей не рады. Не все, но на практическом занятии по основному предмету, ради которого она во все это ввязалась, преподаватель принялся собирать письменные работы. И, конечно, быстро вычислил, что сдано на одну меньше.

– А где ваша статья? – обратился он к Лане, рассеянно хмурясь.

Он вообще выглядел несколько заполошно и рассеянно, словно забежал на семинар между делом. Вполне возможно, так и было. Он мог быть журналистом, совмещающим основную деятельность с преподаванием. Или преподавал несколько дисциплин, у него было много студентов, а потому не всех он помнил в лицо и по именам, а Лана показалась ему смутно знакомой. Но обо всем этом Лана подумала позже, а в тот момент переспросила:

– Какая статья?

– Информационная. Ваше домашнее задание, которое было задано еще до каникул.

– Тогда вы могли бы заметить, что меня тогда тут не было, – едко отозвалась Лана. Просто потому, что на нее снова все смотрели, и ее это раздражало. – Я только вчера сюда перевелась.

– Неужели? – удивился преподаватель. – Это необычно. Тем не менее, правила для всех одинаковы. Крайний срок сдачи по этому заданию – следующая неделя. Иначе у вас будет незачет, что усложнит сдачу экзамена в конце года...

– Вы меня не услышали? Я только что перевелась! – с нажимом повторила Лана. – Я еще даже не въехала в предметы и задания, а вы хотите, чтобы я написала за неделю то, на что у остальных, кто учится с начала года, был почти месяц?

Преподаватель уставился на нее, не мигая, как на какую-то диковинку.

– Я вас прекрасно слышал, госпожа?..

– Лерой.

На его лице промелькнуло сначала понимание, а потом... презрение и даже что-то похожее на торжество.

– Госпожа Лерой, – повторил он со смакованием. – Ничем не могу вам помочь. Статья должна быть сдана ровно через неделю. Не будем больше тратить время впустую...

И он продолжил занятие, игнорируя возмущенный взгляд Ланы.

Похоже, они все сговорились! И студенты, и преподаватели. Хотят выжить ее отсюда. И так будет продолжаться оба триместра? От одной мысли об этом кровь вновь начинала кипеть. Хотелось встать и высказать этим снобам все, что она о них думает, а потом уйти, громко хлопнув дверью. Да при таком отношении ей проще самой по учебникам обучиться всему необходимому. А еще лучше, если не поздно, отозвать оплату и нанять частных учителей. Жаль, что эта мысль не пришла ей в голову сразу. Видимо, мозг был затуманен Рейном Браттом.

Лана подавила вспышку гнева и мысленно пообещала противному преподу, что через неделю он будет плакать от восторга, читая ее статью. Как она этого добьется, Лана пока не знала, но в том, что добьется, не сомневалась.

К счастью, в этот день занятия у нее были только до обеда, а во второй половине она могла сразу начать заниматься статьей, пока на нее не свалилось еще какое-то срочное задание. Направляясь в столовую, Лана мысленно прикидывала, с чего начать и какую тему выбрать. Хотелось, конечно, написать о несправедливости Королевского Суда над ее отцом, но она понимала, что такая статья преподавателю не понравится.

Ее мысли были прерваны окликом Марты, которая позвала ее по имени, заставив притормозить и обернуться.

– Ты шла обедать?

– Да.

– Занятия у тебя закончились?

– Угу. А что?

– У меня тоже, – Марта сдержанно улыбнулась. – Может быть, хочешь пообедать со мной? Где-нибудь вне академии. Расскажешь, как прошли первые дни. Я угощаю.

Даже без последнего аргумента Лана согласилась бы. Полтора дня почти в полной изоляции – короткий диалог с куратором и перепалки со всеми остальными не в счет – сделали для нее общество Марты почти желанным.

Они устроились за маленьким столиком в кафе на соседней улице. Лана с интересом оглядывалась по сторонам: в камерных заведениях на десяток столов она бывала и раньше, но обычно в них все равно чувствовался высокий класс и в обстановке, и в сервировке стола, и в обслуживании. Здесь же было скорее... уютно. Красиво, чисто, просто, но удобно. И почти все столики были заняты. А люди, сидящие за ними, непринужденно болтали друг с другом и с официантами, улыбались и вели себя... расслабленно. Не так, как было принято вести себя в прошлом окружении Ланы.

Еда тоже оказалась на удивление вкусной, а перед овощным супом им принесли по бокалу очень легкого белого вина, свежее испеченный душистый хлеб с хрустящей корочкой и еще теплым мякишем и мягкое сливочное масло, смешанное с мелко нарезанными травами. И как-то сама того не ожидая, на вопрос: «Как прошли первые дни?» Лана выложила Марте все, как есть. В мельчайших подробностях и событий, и собственных эмоций. Так она не откровенничала еще ни с кем, даже с Альмой. Под конец даже пожалела о внезапном порыве, но было уже поздно что-то менять. Хоть выговорила.

Марта выслушала ее молча и очень внимательно. А когда Лана закончила, прежде всего уточнила:

– Чего бы ты сейчас хотела больше: моего сочувствия или практического совета, как попытаться все наладить?

– Практического совета, – быстро выбрала Лана.

Нет, на самом деле ей хотелось, чтобы ее просто пожалели, но и этот душевный порыв казался ей неуместной слабостью. Хватит и неожиданной откровенности.

– Если хочешь поладить с однокурсниками и преподавателями, перестань вести себя как засранка.

Лана чуть не подавилась не то от удивления, не то от возмущения. Но прежде, чем она успела облечь эмоции в слова, Марта продолжила:

– Тебе кажется, что тебя провоцируют на агрессию. И, возможно, в отдельных ситуациях так и есть, но ты тоже провоцируешь людей.

– Чем?!

– Да хотя бы своим внешним видом, – Марта кивнула на шикарное платье Ланы. – Ты настойчиво пытаешься показать окружающим, что ты не такая, как они, а потом обижаешься, что они тебя не принимают. А ты попробуй сделать шаг им навстречу. Хотя бы начни одеваться, как другие студенты в СКА.

– В эти жуткие штаны всех оттенков синего? – мрачно уточнила Лана.

– Не обязательно, хотя они довольно удобные, – улыбнулась Марта. – Но можно начать просто с более демократичных марок.

– У меня нет другой одежды, – буркнула Лана, ковыряясь вилкой в тарелке.

– Это не проблема, мы можем хоть сейчас отправиться по магазинам. Если хочешь. На обновление гардероба в среднем ценовом сегменте деньги у тебя точно есть.

Лана задумалась ненадолго, внимательно глядя на сестру. Действительно ли та считает, что это поможет? Или это какое-то тонкое, изощренное издевательство? В конце концов Лана решила, что все-таки это не может навредить.

– Когда я слышу слово «магазины», я просто не могу сказать нет.

* * *

Поход с Мартой по магазинам стал для Ланы новым необычным опытом. Раньше она просто приходила в бутик, садилась в удобное кресло, ей подавали чай с воздушными пирожными или бокал холодного игристого вина с не менее воздушными профитроли, начиненными сырным, рыбным или грибным муссом, а специально подобранные девушки, максимально приближенные к ее комплекции, демонстрировали модели. Лана выбирала несколько понравившихся и примеряла готовые платья подходящего размера, которые при необходимости подгоняли по фигуре. Либо ей шили выбранную модель по ее меркам.

Сейчас же она оказалась в шумном торговом центре, в котором на одном этаже теснились бок о бок десятки магазинов одежды, обуви, аксессуаров и нижнего белья. Играла музыка, туда-сюда сновали, невзирая на рабочий день, толпы людей, а посреди широких коридоров тянулись маленькие кафешки, перемежавшиеся лавочками, на которых уставшие покупатели могли отдохнуть. Было шумно и суетно, но... забавно.

От похода по магазинам нижнего белья она сразу наотрез отказалась, заявив, что будет носить имеющиеся у нее запасы, пока те не истлеют на ней от времени.

– Что я ношу под одеждой, точно никого не касается!

То же самое Лана решила по поводу обуви. В конце концов, очень дорогая, но повседневная, от обычной отличалась только уровнем комфорта, но почти не бросалась в глаза. Марта согласилась с ней, и они отправились по магазинам одежды.

Здесь Лану ждало первое тяжелое испытание: узреть подходящую модель на вешалке, зажатой между другими моделями, было сложно. Некоторые, конечно, висели на видном месте, другие – на манекенах, но это были лишь отдельные крупницы, не всегда интересовавшие ее цветом или фасоном.

Вторым испытанием стала примерка. Мало того, что приходилось ютиться в крошечной кабинке с весьма спорным освещением, так еще магазины не оказывали услуги по подгонке одежды по фигуре прямо на месте.

– Вы можете обратиться в соответствующее ателье, – заявила продавщица, помогавшая им с размерами.

– Им что, сложно, что ли? – недовольно процедила Лана, стаскивая с себя очередное платье, которое идеально сидело в груди и нелепо топорщилось в талии. – Это же всего несколько движений...

– Вот сама бы им обучилась – и подогнала себе, – парировала Марта, с трудом сдерживая смех.

Лана посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

– Ты серьезно? Обучаться швейной магии? Зачем? Всегда проще заплатить другим. Я ведь не предлагаю им делать это за «спасибо».

– Просто в таких магазинах работают те, кто швейной магии тоже не обучен. Слишком мало людей, готовых доплатить за подгонку платья, сюда приходят. Обычно просто ищут подходящее.

Эта концепция не укладывалась у Ланы в голове. За два часа она перемерила несколько десятков вариантов, вся взмокла от бесконечного движения, несколько раз ударилась о стенки тесных примерочных, устала, снова проголодалась, почувствовала головокружение и заявила, что с нее хватит. За это время она разжилась тремя новыми платьями, брючным костюмом с двумя вариантами блузок и теми ужасными синими штанами из грубой ткани, которые несколько лет назад перекочевали к ним из-за Занавеси. Джинсы.

– Думаю, этого пока достаточно, – согласно кивнула Марта. И предложила: – Чай? Или, может быть, хочешь попробовать кофе?

– Я его пробовала, – фыркнула Лана. – Гадость ужасная. Лучше чай. И мороженое.

И снова Марта не стала возражать. Они устроились в ближайшем же кафе в проходе, заказали чайник черного чая с чабрецом и две большие порции мороженого разных цветов и вкусов.

Стоило первый раз зачерпнуть холодное лакомство ложкой, как Лана поймала себя на странной мысли. Ей нравилось происходящее. Нравился дешевый торговый центр с «массовым ширпотребом», как всегда называла это мама, и нравилось сидеть в кафе со старшей сестрой, которая покупает тебе мороженое. Вероятно, на твои же деньги, но это уже были неинтересные детали.

Посмотрев на Марту через стол, Лана спросила с присущей ей прямоотой:

– Рейн сказал, ты читала обо мне в журналах и рассказывала ему?

Марта вскинула на нее удивленный взгляд.

– Рейн?

Лана выразительно закатила глаза и поправилась:

– Куратор Братт.

– Трепло он, а не куратор, – смущенно проворчала Марта, ковыряясь ложкой в своей вазочке. – Мог бы и промолчать.

– Так ты читала?

Марта кивнула.

– Да. Когда мама умерла, – добавила она чуть дрогнувшим голосом. – И я вдруг поняла, что у меня никого не осталось.

Лана с трудом проглотила очередную порцию мороженого, глядя на то, как Марта нервно ломает пальцы, время от времени теребя скромное кольцо с небольшим бриллиантом на безымянном пальце левой руки.

– Отец тебя, как я понимаю, не интересовал?

Марта снова подняла на нее взгляд, и он полыхнул огнем.

– Нет, – лаконично отрезала она, но углубляться в тему не стала.

Лана, конечно, собиралась сама углубить тему, но в этот момент сестра обратила внимание на проходившую мимо женщину и окликнула ее, махнув рукой:

– Хильда!

Лана обернулась: на призыв Марты среагировала блондинка в форме legionera. Она была примерно одного с Мартой возраста, забирала волосы в высокий «хвост» и то ли совсем не делала макияж, то ли просто отдавала предпочтение имитации натуральности. Она радостно улыбнулась и подошла к их столику. Марта встала, и женщины довольно тепло обнялись.

– Привет, рада тебя видеть, – поприветствовала незнакомка.

И с интересом посмотрела на Лану. Та была готова поклясться, что legionerша ее узнала, но Марта все равно поспешила их представить:

– Это Лана, моя младшая сестра. А это Хильда Сатин, моя подруга.

Лана кивнула, невнятно промывав что-то относительно приветственное, делая вид, что ее рот занят мороженым.

На самом деле вид legionera тут же испортил только-только наладившееся настроение. Легион в их мире выполнял не только функции защиты и охраны правопорядка, но и олицетворял судебную власть. Ту самую, с попустительства которой уже почти десять лет в стране существовал Королевский Суд, обходивший стандартную процедуру. И Лана уже несколько дней считала это слабостью Легиона.

Она с удовольствием проигнорировала бы появление его представителя полностью, но ее тут же привлек вопрос, который Марта задала подруге:

– Об Анне что-нибудь слышно? Какие-нибудь новости?

Сатин вздохнула, печально покачала головой и призналась:

– Мы закрываем дело, Марта. У Легиона нет оснований считать Анну мертвой или похищенной. Наши ритуалы показали, что она жива и в безопасности, а это значит, что она просто уехала по своей воле. Мы не имеем права применять кровную магию для ее обнаружения в подобных обстоятельствах. Она буквально только что достигла совершеннолетия, а потому имеет право уезжать куда угодно, никого не уведомив.

– Но это ведь странно, ты не находишь? – с нажимом поинтересовалась Марта. – Она уехала внезапно, никому ничего не сказала, только попросила соседку по комнате собрать для нее вещи на несколько дней. Та ее даже не видела, просто оставила сумку в условленном месте. Ей оставалось учиться два триместра. После этого она смогла бы уехать куда угодно, но с образованием, на которое уже было потрачено немало сил и времени.

– Да, я понимаю, – кивнула легионерша. – Это необычно, но ничего сверхъестественного в таком поступке нет. Встретила парня, он вскружил ей голову, она всё бросила и уехала с ним в закат. Кто из нас не творил подобные глупости в двадцать лет, кладя на алтарь первой любви образование и карьеру?

Последний вопрос прозвучал с горечью. Судя по всему, Хильда Сатин знала, о чем говорит.

– Я не творила, – буркнула Марта.

– Не все так благоразумны. Я обещаю тебе время от времени проверять снова. Если вдруг окажется, что она в опасности, я сразу возобновлю расследование. Ну, если вдруг этот гипотетический парень решит злоупотребить ее хорошим отношением.

– Все-таки мне кажется, что она дала бы родителями знать, если бы просто сбежала с любовником, – не сдавалась Марта.

– Тут никогда нельзя быть уверенной, – пожала плечами Сатин. – Мало ли, какие у них отношения. Иногда даже сами родители не знают, что думают о них родные дети. Прости, пока я больше ничего не могу сделать.

Марта понимающе кивнула. Они перебросились еще парой фраз, договорившись обязательно вскоре найти время для более обстоятельной встречи, и на том распрощались. Марта снова села на свое место.

– Вы говорили о той пропавшей девушке, на место которой профессор Братт взял меня? – тут же поинтересовалась Лана.

Марта поморщилась.

– Я же говорю: трепло он. Но да, Анна Вест. Внезапно исчезла во время каникул после первого триместра.

– Думаешь, с ней случилась беда?

Сестра вновь сидела, глядя в свою вазочку с подтаявшим мороженым, и нервно крутила колечко на пальце. Выглядела она почему-то так печально, словно эта Анна Вест была еще одной ее сестрой.

– Я не знаю, – в конце концов ответила она. – Но сердце у меня не на месте. Я всегда чувствую такие вещи. Не знаю как, но чувствую.

Лана в ответ промолчала, спрятавшись за чашкой чая. Всякое желание расспрашивать сестру дальше почему-то пропало.

Глава 6

Идея с одеждой сработала. По крайней мере, на следующий день Лана почти не ощущала недоброжелательных взглядов. То ли действительно затерялась в толпе студентов, то ли просто срок годности ее личной сенсации вышел. Даже никто из преподавателей за весь день не потребовал от нее невозможного.

Лану результат вдохновил. Как бы там ни было, а тратить лишние силы на противостояние всему окружению ей не хотелось. Если уж судьба так распорядилась, что ей придется идти по жизни не совсем тем путем, каким она собиралась, хотелось хотя бы максимально облегчить себе этот путь.

Поскольку первый совет сработал, Лана решила последовать и второму, который сестра дала ей уже в конце их увлекательного похода по магазинам. Оказалось, что у студентов Столичной Королевской Академии есть привычка проводить вечера в клубе «Сияние», находящемся буквально в пяти минутах ходьбы. Марта посоветовала Лане наведаться туда, чтобы познакомиться с кем-то из сокурсников поближе и пообщаться в неформальной обстановке.

– Так больше шансов пробить стену отчуждения, – сказала она, – чем в учебной аудитории, где все у всех на виду и многие могут просто бояться сделать первый шаг.

Конечно, Лане следовало потратить вечер на учебу, поскольку она отставала абсолютно по всем дисциплинам на целый триместр, но она решила, что имеет право на маленький отдых посреди недели.

Она опасалась, что клуб окажется какой-нибудь дырой с дешевой выпивкой и крутящейся в записи музыкой, ведь академия ее находилась совсем не в центре города, где традиционно размещались лучшие заведения, но «Сияние» ее приятно поразило.

Музыка здесь оказалась живой, танцпол – просторным, освещение – не слишком тусклым, с переливами разноцветных огней. В вечер посреди недели народу здесь было немного, но и пустым клуб не казался. Музыканты расположились в одном конце большого зала на небольшом возвышении, круглый бар – в другом. По бокам тянулись столики и более уединенные кабинки, но совсем закрытых кабинетов глаз Ланы не выцепил. Вместо них половину зала накрывал второй уровень – зона для особых гостей.

В воздухе клубился ароматный дым, забавно преломляя пляшущие разноцветные огни, и всё вместе это создавало ощущение праздника, которого Лане в последние несколько дней так не хватало. Сейчас, даже одетая в дурацкие синие штаны из грубой ткани, она неожиданно почувствовала себя почти прежней. Не хватало только компании друзей под боком.

Лана оглянулась по сторонам, ища взглядом хоть какие-то знакомые лица. Нашла почти сразу, но это ее не очень обрадовало.

– Надо же, смотрите, кто пожаловал! Наша принцесска снизошла до нас не только в выборе туалетов, но и в развлечениях.

Лана едва не скрипнула зубами от досады. Староста. Или Дылда, как она называла ее про себя. По бокам – все те же две подружки. Все трое держали в руках по замысловатому коктейлю, каждый из которых переливался минимум тремя цветами. В высоком стакане старосты отсутствовала уже почти половина напитка.

– Эри, тебе не надоело? – нарочито устало поинтересовалась Лана, томно закатив глаза. Музыка звучала умеренно громко, что давало простор для интонаций при разговоре. – Уже всем надоело, одной тебе неинтересно. Влюбилась ты в меня, что ли?

Староста действительно была одной из немногих, кто продолжал сегодня весь день смотреть на Лану волком. И кажется, ее бесило, что остальные перестали замечать новенькую, снижая тем самым давление.

– Ты бы поосторожнее языком мела, – зло прищурилась Дылда. – Куратор не всегда сможет тебя прикрыть.

– И что ты мне сделаешь? Вызовешь на магическую дуэль? Или в духе разбойников с окраин подкараулишь в темном углу с подругами? – Лана кивнула на ее спутниц. – Очень достойно получится. Проблема в том, Эри, что я тебя не боюсь, потому что ты ничего не можешь мне сделать, кроме как пугать своей лошадиной физиономией...

Эри вдруг качнулась вперед, заставляя Лану замолчать, а в следующее мгновение та почувствовала на груди что-то холодное, липкое и мокрое. Дылда выплеснула на нее почти весь остававшийся в ее стакане коктейль.

– Ах, прости, я такая неуклюжая, – нарочито огорченным тоном заявила Эри. – Но ты же наверняка знаешь очищающее заклятие, правда, принцесска?

Задохнувшись от возмущения Лана инстинктивно провела по ткани блузки рукой, словно пытаясь стряхнуть вылитый коктейль. Но вместо этого разноцветные жидкости только сильнее размазались, впитываясь в когда-то белоснежные нити. Очищающему заклятию ее, конечно, учили. Когда-то очень

давно. Лана не старалась его запомнить, слишком уж много там было нюансов – в зависимости от ткани и типа загрязнения. Зачем, считала она, если одежда как правило зачарована производителями от пятен, а на крайний случай рядом всегда есть специально обученные люди.

Да, вот только простая хлопковая блузка из обычного магазина никакими защитными заклинаниями похвастаться не могла.

Лана зло посмотрела на старосту. Первым желанием было треснуть ее ударным импульсом. Из боевой магии она в свое время освоила только его, считая, что умение огреть надоедливого кавалера – никогда не лишнее. Вторым было желание просто ударить Эри кулаком прямо в противную ухмылку. Однако Лана удержалась от обоих. Вдохнула, выдохнула и почти спокойно посоветовала:

– К врачу сходи, болезная. Такие сильные внезапные судороги могут быть признаком серьезных проблем.

И расправив плечи, она с независимым видом отправилась в сторону бара, давая понять, что испачканная блузка не испортит ей вечер. К тому же там наверняка можно найти сотрудника, который поможет ей с пятном за хорошие чаевые. Кислое выражение на лице Эри стало маленьким приятным бонусом. Все же это лучше, чем ввязаться в драку и попасть потом в руки легионерам. Лане совсем не хотелось радовать газетчиков скандалом. Ее с детства учили не допускать такого.

Когда она подошла к стойке, оба бармена были крайне заняты смешиванием коктейлей для большой компании в другой части круга. Мысль о том, что придется ждать в грязной, холодной и мокрой блузке, Лану не радовала, поэтому она скользнула взглядом по всей зоне бара, надеясь найти еще кого-то, может быть, официанта.

Вместо этого ее взгляд зацепился за парочку у барной стойки: очень уж знакомой показалась девушка. Приглядевшись, Лана убедилась, что это одна из ее новых сокурсниц. Она узнала ее не столько в лицо, сколько по цветным колготкам, которые обычно девушки перестают носить годам к пятнадцати.

Рядом с ней стоял парень... или, скорее, молодой мужчина в темном, хорошо сшитом костюме. Одной рукой тот упирался в стойку, отчего получалось, что он

почти обнимает свою собеседницу. И судя по выражению лица, девушке это не очень-то нравилось, но уйти она почему-то не решалась.

Лана приблизилась к ним, чтобы занять соседний табурет и при необходимости завязать с девушкой разговор, но эта самая необходимость стала очевидна, едва она подошла.

– Ну, что ты ломаешься? Я же тебя пока не в койку тащу, а потанцевать предлагаю, – низким голосом настойчиво предлагал мужчина, уже поймав девушку за руку.

– Я же говорю... я не хочу... то есть, не могу... мне вот... коктейль только принесли... И вообще я жду друга! То есть... подругу...

Отговорки сокурсницы звучали неуверенно, как будто она одновременно хотела и отказать, и не обидеть кавалера. Но она точно не ломалась, это Лана видела хорошо.

– Да перестань, никуда твоя подруга не денется. Как и коктейль. Если что, я куплю тебе новый. У нас там наверху куча всякой выпивки поинтереснее. Можем потом подняться.

– Она же сказала, что не хочет, – встряла Лана. Сразу твердым уверенным тоном, как делала это всегда. – Почему бы тебе не поискать другую партнершу?

Мужчина обернулся, бросил на Лану недовольный взгляд и попытался отмахнуться:

– Слушай, я сам разберусь, с кем мне танцевать. Иди гуляй. А если ты та самая подруга, так просто посторожи коктейль. Только, – он снова полуобернулся и усмехнулся, – на себя его до кучи не опрокинь.

Лана скрестила руки на груди, не двигаясь с места.

– Может быть, мне позвать охрану? Все вместе разберемся, кому с кем стоит танцевать, а с кем – нет.

Лана точно не знала, есть ли в таких клубах охрана, но очень на это надеялась. Потому что мужчина оказался не из пугливых: вместо того, чтобы извиниться и уйти по-хорошему, он оттолкнулся от стойки и повернулся к ней всем корпусом, недобро сверкнув темно-кариими глазами. Свысока, потому что был на голову выше.

Что именно он собирался сказать, Лана так и не узнала, потому что мужчина вдруг дернулся, словно его с силой толкнули, странно повел плечами и поднял взгляд куда-то вверх. Секунда – и вся агрессия мигом ушла из его позы.

– Извините, – процедил он. – Хорошего вечера вам с подругой.

И он торопливо ушел прочь. Лана не удержалась и оглянулась, ища взглядом то, что заставило мужчину передумать. Судя по всему, смотрел он на второй уровень, нависавший над половиной первого этажа. Находившиеся там столики прятались в глубине площадки, и с позиции Ланы их было не рассмотреть. Но один из «особых гостей» сейчас как раз стоял у края, опираясь одной рукой о перила. Во второй мужчина держал бокал. Он тоже носил дорогой темный костюм с черной рубашкой под ним. На вид ему было хорошо за сорок, но длинных темных волос седина еще не коснулась.

Незнакомец отсалютовал Лане бокалом. Она в ответ только кивнула, безмолвно благодаря за помощь. Мужчина шагнул назад и почти мгновенно скрылся из вида.

* * *

– Спасибо, – неуверенно прозвучало рядом, и Лана отвела взгляд от второго уровня и повернулась к смутно знакомой незнакомке.

Та сидела в казавшейся неестественной позе, словно ей было ужасно неудобно на проклятом высоком табурете, теребила локон длинных мышино-серых волос, свисающих по обе стороны непримечательного лица, и явно чувствовала себя крайне неловко.

– Да не за что, – пожала плечами Лана и уточнила, уже карабкаясь на соседнее место: – У тебя тут не занято?

Девушка только сделала неопределенное движение рукой, то ли приглашая садиться рядом, то ли давая понять, что не в курсе, занято ли место кем-нибудь.

– Ты имей в виду, что «нет» всегда нужно говорить громко и четко, чтобы у парней не возникало сомнений в том, что это действительно «нет», а не «да, но не сразу».

– Я... постараюсь, – неловко кивнула девушка, смущенно улыбнувшись и покосившись на пятно на блузке Ланы. – Ты... испачкалась.

– Да, – Лана поморщилась, – я знаю. Вот, как раз ищу кого-нибудь, кто сможет мне помочь.

– Ты не умеешь убирать пятна сама? – удивилась безымянная сокурсница.

– Я не сильна в бытовой магии, – снова поморщившись, призналась Лана.

– Тогда я могу тебе помочь. Я прекрасна в бытовой магии.

И, дождавшись кивка Ланы, она провела раскрытой ладонью над пятном. То действительно моментально исчезло, оставив после себя все такую же кристально-белую сухую ткань.

– Ух ты, супер! – обрадовалась Лана. – Спасибо. Считай, в расчете. Что ты пьешь?

– Это ананасовый сок с небесным сиропом, – она снова смутилась.

– И все? – уточнила Лана. – Нет уж, мне сегодня нужно что-нибудь покрепче.

И она махнула рукой, пытаясь привлечь внимание официанта. Тот в ответ знаком показал ей, что видит, но подойдет чуть позже, когда освободится. Это раздражало, но Лана не успела сильно разозлиться по поводу хромого обслуживания.

– Ты ведь Лана, да? – уточнила девушка рядом, наклоняясь к ней, чтобы ее было лучше слышно за музыкой. – Лана Лерой?

– Да. А ты?

– А я Вера. Вера Карли. Мы с тобой на одном курсе, ходим на несколько предметов вместе.

– Да, я знаю, я тебя видела, – кивнула Лана, невольно покосившись на нежно-розовые колготки, выглядывающие из-под вполне себе женственного платья.

К счастью, Вера не обратила внимания на ее взгляд, но заметно воодушевилась, услышав, что Лана ее запомнила. Даже сделала большой глоток своего коктейля. От волнения – слишком большой, поэтому поперхнулась и закашлялась, вытирая рукой потекшую по подбородку струйку. В этот момент она была похожа на двенадцатилетнюю, изображающую из себя взрослую.

– Ты часто сюда ходишь? – поинтересовалась Лана, чтобы как-то поддержать разговор.

– Нет, за всю учебу была пару раз. Обычно некогда, но иногда очень хочется... – она опять смутилась и замолчала, неловко натягивая на ладони рукава платья, сильно сутулясь и поправляя волосы.

– Хочется – чего? – подтолкнула Лана.

– Повеселиться, – тихо призналась Вера. – Потанцевать. Завести друзей.

Под конец ее слова стали едва различимы на фоне музыки, но красноречивый взгляд, который она бросила через плечо на столик, за которым собралось человек десять с их курса, в том числе Эри, говорил всё и без слов. Похоже, не у одной Ланы не складываются отношения с сокурсниками.

Бармен, наконец, осчастливил ее своим вниманием, и Лана заказала бокал вина. Коктейли с сиропами ядовитых цветов в ее кругу были не в ходу, как и коктейли вообще. Хорошим тоном считалось пить напитки такими, какими их создали. Пока молодой красавчик доставал нужный бокал и откупоривал бутылку, Лана снова обратилась к Вере:

– Но если ты пришла сюда веселиться, танцевать и знакомиться, то почему тухнешь у барной стойки и отшила того парня, который тебя приглашал? Он вроде был симпатичный.

– О, нет, я недостаточно смела, чтобы заигрывать с Темным Ковеном.

– С кем? – удивилась Лана.

– Темный Ковен, – повторила Вера, кивая на второй уровень. – Они что-то вроде ордена или братства. Темные маги. Раньше были вне закона, но когда десять лет назад Сорроу пришел к власти, он снял часть запретов на использование темного потока. Вот они теперь и не прячутся. Часто тут бывают. То одни, то другие. Особая зона всегда зарезервирована под них. Уж не знаю, чем им так нравится «Сияние».

– Даже предположить не могу, – проворчала Лана, уже сделавшая глоток вина и скривившаяся: оно было слишком кислым на ее вкус. – А чем эти ребята занимаются?

– Да кто их знает? Оказывают услуги там, где не справляется светлый поток. Не думаю, что всегда законно.

– Может быть, ты знаешь и того, кто избавил нас от твоего настойчивого кавалера? – поинтересовалась Лана, снова оборачиваясь и поднимая взгляд ко второму уровню в поисках темноволосого мужчины. Однако тот, похоже, не часто стоял у перил.

– Конечно. Это же Марк Арант. Он их бессменный глава уже лет двенадцать.

– Слушай, а откуда ты так много о них знаешь, если не бываешь тут? – вдруг одумалась Лана, с подозрением глядя на новую уже-почти-подругу.

– Так ведь я буду журналистом! – вновь воодушевилась та, улыбаясь по-детски открыто. Даже на стуле выпрямилась, как прилежная ученица в школе. – Я каждый день изучаю все главные газеты столицы.

Лана досадливо скривилась, отворачиваясь и поднося к губам бокал, просто чтобы чем-то себя занять. Да уж, вот это наверняка хорошая подготовка. А она с субботы больше ни одной газеты так и не открыла. Надо бы тоже взять себе за правило читать хотя бы одну, самую главную. Какая там в политической журналистике считается самой главной? «Столичный вестник»?

Лана тут же вспомнила, что те написали гадкую статью о ее отце, и решила, что лучше читать оппозиционного «Ястреба», даже если у него не такой большой тираж.

Все газеты моментально вылетели у нее из головы, едва она, обводя взглядом круглую стойку, заметила почти напротив знакомые лица. Не только студенты СКА заходили в «Сияние», но и преподаватели тоже. За стойкой с другой стороны круга сидели Марта и Рейн Братт. Сестра выглядела не то печальной, не то задумчивой, как днем в кафе, после встречи с легионершей. Она сидела, теребя на пальце кольцо и ссутулив плечи. Рейн сидел рядом и не то обнимал ее за плечи, не то просто успокаивающе поглаживал по спине. О чем они говорили, конечно, не было слышно, но Лане почему-то подумалось, что они обсуждают исчезновение студентки.

«Просто друг, да?» – мысленно хмыкнула она, делая еще один глоток мерзкого кислого пойла, которое здесь выдавали за вино.

Почему-то стало грустно, и Лана от них отвернулась. Но не выдержала долго и украдкой посмотрела снова.

В груди что-то екнуло: Братт тоже ее заметил и сейчас смотрел через весь бар прямо ей в глаза. Лану неожиданно, как высокой волной, накрыло незнакомым, странным ощущением, от которого сердце забилось быстрее, а дышать сразу стало трудно. Она вдруг очень отчетливо поняла, что все это с ней уже происходило. Она уже вот так сидела чуть ли не на этом самом стуле и через бар смотрела на куратора, а он на нее. И Арант...

Лана снова обернулась на второй уровень. У перил по-прежнему было пусто, но она как наяву вновь увидела Аранта, только стоял он иначе, чем сегодня: наклонялся вперед и упирался в перила обоими предплечьями, сцепив руки в замок. Она видела его почти так же ясно, как переливающийся в свете разноцветных огней ароматный дым.

«А если повернуть голову в другую сторону, посмотреть чуть левее стола с девчонками из СКА, там будет парень в кепке», – неожиданно для себя подумала Лана.

И вслед за этой мыслью повернулась: парень, чье лицо пряталось в тени длинного козырька кепки, сидел именно за тем маленьким столиком, за которым она ожидала его увидеть. Он был из Возвращенцев. Или просто бывал за Занавесью, потому что к бокалу темного пива предпочитал соленые орешки и сигарету. Впрочем, Возвращенцев в среднем классе сейчас столько, что местные вполне могли начать перенимать их привычки.

«Да что происходит?» – едва ли не прокричал внутренний голос.

Голова кружилась, сердце колотилось в груди, паника накатывала волнами, перехватывая дыхание, музыка, звучащая со сцены, тонула в монотонном пискливом жужжании в ушах.

Откуда она может это помнить, если она первый раз в жизни в этом клубе? Да и когда она вошла, никакого узнавания на нее не обрушилось.

Лана снова посмотрела через бар на Рейна Братта, но тот уже отвернулся. Его вниманием полностью владела Марта. Лана повернулась еще раз, на этот раз к танцполу, освещенному лучше, чем все остальное. Сизый дым там был виднее.

В глаза ударил постоянно блуждающий цветной луч, и Лана вспомнила.

Ее сон. Кошмар, в котором нечто невидимое, но явно злонамеренное, тянулось к ней, опутывало щупальцами и проникало под кожу. От которого она кричала, и ее разбудила соседка. В том сне она была здесь. Сидела за барной стойкой, смотрела через бар на куратора, видела Аранта и по какой-то причине заметила парня в кепке...

– Ты в порядке? – голос Веры вернул ее в реальность.

Музыка вновь зазвучала громко, а паника отступила, словно напуганная присутствием другого человека.

– Не думаю, но это скоро пройдет, – заявила Лана, скорее обещая это самой себе, чем действительно так думая. Она залпом прикончила бокал вина и предложила, соскальзывая с табурета: – Слушай, хватит здесь сидеть. Пойдем танцевать.

– Но... мы не можем, – растерялась Вера.

– Почему?

– У нас нет кавалеров. А без кавалера нельзя танцевать парный танец.

– Кто сказал? – фыркнула Лана и схватила Веру за руку. – Идем, я буду твоим кавалером. Я как раз сегодня в штанах.

Вера то ли не смогла сильно сопротивляться, то ли не захотела. Играющий ансамбль как раз сменил мелодию на что-то, явно переключавшееся из-за Занавеси, потому что в стандартную программу танцев подобные мелодии не входили, но Лану это не смутило. Подстраиваясь под непривычный, немного рваный ритм, она уверенно повела Веру в танце. Все же хорошо, что из-за постоянного несовпадения количества партнеров и партнерш им приходилось разучивать и мужские, и женские движения.

С каждой секундой она все сильнее растворялась в музыке, порой прикрывая глаза и забывая обо всех проблемах, о том, где она, и даже о том, кто она. О странных снах и не менее странных ощущениях. Лана кружилась в танце, игнорируя косые взгляды других танцующих пар, многочисленных сокурсников и дылды Эри.

И вместе с ними она не замечала ни того, что куратор Братт вновь смотрит на нее со своего далекого места, ни того, что Марк Арант вернулся к перилам второго уровня и наблюдает за происходящим сверху, ни того, что парень в кепке тоже внимательно смотрит на нее, потягивая свое пиво.

Несколько блаженных минут танца для Ланы не существовал никто.

На этот раз Лана сразу понимает, что спит и видит сон.

Она снова в «Сиянии». Во всяком случае, чувствует абсолютную уверенность в том, что находится именно там, хотя всё вокруг выглядит размытым, зыбким, словно она смотрит на окружающий мир через залитое водой стекло. Она даже слышит музыку, но та совсем не похожа на мелодии, которые музыканты наигрывали сегодня. Она звучит странно: глухо и как будто искаженно.

Как это часто бывает во сне, движения у Ланы скованные. Кажется, она идет сквозь толщу воды или просто к ее конечностям привязаны тяжелые грузы. Но вот она уже у барной стойки, садится с той же стороны, с которой сидела сегодня с Верой. Официант приносит ей коктейль. В высоком широком бокале переливаются красные, желтые, оранжевые слои. Кажется, напиток называется «Закат», но Лана не уверена, откуда знает это: она такое никогда не пила.

Она оборачивается и видит парня в кепке с длинным козырьком. Его лицо скрыто тенью, но Лане кажется, что они знакомы. Откуда она может его знать? Нет, это не потому, что она видела его сегодня в реальности. Она знала его раньше. Но когда и где они встречались?

Лана переводит взгляд на бар, на куратора Братта, сидящего на другой стороне круга. Сейчас он один, Марты с ним нет. На стойке перед ним стакан с напитком цвета жженой карамели, и он пьет его слишком быстро, а закончив – тут же заказывает еще один. Ловит взгляд Ланы, но сразу отводит его в сторону, делает вид, что не заметил ее или не узнал. Вместо этого устремляет взгляд вверх, ко второму уровню.

Опираясь обеими руками на перила, там стоит Арант, наблюдая темным, цепким взглядом за всем, что происходит внизу. Зачем? На что он с таким интересом смотрит? На нее?

Нет, его взгляд Лана поймать не может, значит, смотрит он не на нее. Тогда на кого?

Неожиданно для самой себя Лана стремительно меняет угол зрения, оказавшись в стороне от барной стойки. А на ее месте с коктейлем, который только что стоял перед ней, остается сидеть незнакомая девушка. Она выглядит

сосредоточенной и взволнованной, но не испуганной. Скорее, предвкушающей.

А вот Лане отчего-то страшно. Может быть, оттого, что она плохо видит происходящее вокруг, а потому ей кажется, что нечто, едва не убившее ее в прошлый раз, прячется где-то в клубах дыма за мельтешением разноцветных огней.

Так никого и не разглядев в колыхающейся вокруг мути, она снова смотрит на стойку, но девушки там уже нет, остался стоять только недопитый коктейль. Сама не зная почему, Лана торопится к выходу из клуба. И успевает увидеть, как незнакомка садится к кому-то на магоцикл и тот срывается с места, унося в непроглядную тьму ночи и водителя, которого Лана не разглядела, и его пассажира.

Лана досадливо топает ногой, хотя и не понимает, почему ее так печалит, что она упустила незнакомку. Она поворачивается, чтобы вернуться в помещение, но едва не вскрикивает от ужаса.

Входа в «Сияние» за ее спиной больше нет. Там стоит совершенно другой дом, даже не городской, а скорее сельский: он маленький, двухэтажный. Очень старый, местами начавший разрушаться, с мертвыми пустыми окнами, в которых недостает стекол.

«Это еще что такое?» – мелькает в голове мысль с привкусом отчаяния.

Лана крутит головой по сторонам: теперь она видит лучше, но от этого не становится легче. Вокруг стоят точно такие же покинутые дома. У большинства или обожжены стены, или разрушено крыльцо, или выбиты окна, или выломаны куски из углов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/letnyaya_lena/mental-nyy-fakul-tativ

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)